

Брук Лин

ЧЁРНЫЙ САД

ВСЕГДА ЕСТЬ ТОТ,
КТО ДЕРЖИТ ТВОЮ ДУШУ
НА ЦЕПИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Брук Лин

Чёрный сад

<https://litres.ru/74165139>

SelfPub; 2026

Аннотация

С шести лет я — призрак.

Девочка без имени, без прошлого и без права на собственную жизнь. Чужие страны, фальшивые паспорта и новые лица в зеркалах научили меня главному правилу выживания — исчезать без следа.

Пока однажды я не встретила его.

Властного, опасного и пугающе притягательного мужчину, который пробудил во мне запретную, темную страсть и заставил дышать по-настоящему.

И я бы до конца растворилась в этой темноте, если бы мне не выпал шанс, о котором я так долго мечтала.

Чтобы вернуть себе настоящую жизнь и фамилию я должна выйти замуж за сына одного из самых влиятельных людей в криминальном мире.

Я согласилась, думая что выкупаю свою свободу.

Но вместо этого шагнула в капкан.

Ведь между мной и моим будущим теперь стоит Он. И куда страшнее — моя непреодолимая, разрушительная тяга к нему.

ВНИМАНИЕ!

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ!

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	68
Глава 6	79
Глава 7	90
Глава 8	110
Глава 9	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Чёрный сад

Предисловие

Дорогой читатель, прежде чем приступить к чтению, прошу ознакомиться с текстом ниже.

ЭТА КНИГА — НЕ ДЛЯ ВСЕХ.

«Чёрный сад» — это история, написанная для взрослых читателей, готовых к сложным, неоднозначным героям и темам. Здесь нет «белых» и «черных» героев, нет легких решений и обязательного хэппи-энда. Здесь есть боль, которая не обещает исцеления, и правда, которая не всегда освобождает.

ТРИГГЕРЫ:

(примечание: в списке есть пункты, которые не относятся к главным героям)

— Секс: откровенные сцены, BDSM-тематика

— Психологическое насилие: газлайтинг, манипуляция, унижение, одержимость, граничащая с патологией

— Физическое насилие: похищение, угрозы убийством.

— Темы: криминальный мир, потеря ребенка, смерть.

ОТ АВТОРА:

Я написала эту историю не для того, чтобы шокировать или травмировать. Я написала ее, потому что верю: даже самые темные стороны человеческой души заслуживают быть

увиденными и осмысленными. Иногда, чтобы понять, кто ты есть на самом деле, нужно сначала потерять все, что ты о себе знал.

Если вы чувствуете, что эта история может вас задеть слишком глубоко — пожалуйста, позаботьтесь о своем ментальном здоровье и отложите книгу.

Берегите себя. И помните: вы не одиноки в своих чувствах.

Глава 1

Ариана

Лондон

— Ох, Ханукаева, как же долго мы тебя искали, — мужской голос царапает слух.

Чистейший русский.

Моя настоящая фамилия.

Это значит только одно — криминальный мир отца, от которого меня так тщательно прятали, нашел меня и выпустил щупальца.

Быть дочерью Роланда Ханукаева — это как носить корону из бриллиантов и шипов. Блестит, притягивает взгляды, но стоит расслабиться — и кровь потечет по лицу.

И сейчас стальные зубцы впиваются в кожу.

Два амбала, каждый под два метра ростом, возникли из ниоткуда. Один заламывает мне руки назад, второй грубо прикрывает рот ладонью, заглушая мой крик.

В нос ударяет едкий запах табака. Рассудок мутится, и я мотаю головой, пытаюсь сбросить чужую руку и спастись от этой удушливой вони.

Бесполезно.

Они тащат меня к черному фургону с наглухо тонированными стеклами, припаркованному у обочины, и я предпринимаю еще одну попытку освободиться. Дергаюсь всем кор-

пусом. Резко, со всей силы бью тонким каблуком по ботинку того, кто держит руки. Должно быть больно. Очень больно. Но этот громила даже не дергается.

Локтем целюсь в ребра второму. Удар достигает цели, но он лишь хмыкает и давит рукой еще сильнее, смещая ее выше к носу.

Свежий воздух окончательно перестает поступать в легкие. Я начинаю задыхаться. Не от нехватки кислорода, а от смрада его пальцев, который с детства преследует меня в ночных кошмарах.

— Не шевелись, фифочка! Рано еще косточки ломать! — усмехается тот, что держит сзади, и усиливает захват на запястьях.

Не шевелиться? О, они явно меня не знают. В момент страха у человека срабатывает одна из трех реакций: бей, беги, замри. Так вот я буду бить. Всегда.

Я предпринимаю очередную попытку вырваться. Стараюсь продемонстрировать весь арсенал боевых навыков, которым папа обучал меня с детства. Извиваюсь, бью ногами, пытаюсь использовать инерцию, но быстро понимаю, что бессильна. Это не пьяные гопники в подворотне и не наглые студенты, с которыми я справлялась на раз-два. Это профессионалы, обученные четко выполнять приказы. И они отлично знают свое дело.

Мы подходим к фургону. Тот, что закрывает мне рот, тянется второй рукой к сдвижной двери, чтобы распахнуть ее,

и расслабляет пальцы на моих губах. И я, воспользовавшись моментом, впиваюсь зубами в них до тошнотворного металлического привкуса во рту.

Он выругивается и одергивает ладонь от моего лица. И я, сдерживая рвотный порыв, шиплю в лицо уроду:

— Надеюсь, вам заплатили достаточно, чтобы ваша смерть стоила этих денег!

— Сука! — рычит укушенный и отвечает мне тяжелую пощечину, от которой моя голова дергается в сторону.

В глазах искрится, но я не издаю ни звука. Не подарю такого удовольствия.

— На твоём месте я бы беспокоился о своей шкуре, дрянь, — выплевывает подонок.

Он грубо хватает за плечо и швыряет внутрь машины, как мешок с мусором. Я падаю на шершавый пол, сдирая колени. Хочу повернуться и сказать еще пару ласковых, но замираю, заметив в дальнем углу автомобиля, где свет не достаёт до стен, сидящего мужчину. Его лица не рассмотреть — только силуэт и глаза. Он не издает ни звука, просто молча ощупывает меня своим взглядом.

И тут до меня доходит. Меня не усыпили. Не связали. Не отрубили. А это значит, что я должна быть здесь в сознании. Чтобы этот ублюдок мог видеть, слышать и, возможно, говорить со мной.

Это обнадеживает.

Дверь почти закрывается, когда снаружи раздается хлест-

кий мужской голос:

— Что здесь происходит?!

Похитители замирают. По их лицам видно, что они узнали пришедшего. Переглянувшись, они одновременно поворачиваются в сторону здания, где вскоре должен начаться аукцион, ради которого я, собственно, прилетела в Лондон.

— Приказ, — объясняет один из них уже на английском.

Я вглядываюсь в фигуру, выступившую из тени. Мужчина давит их тяжелым взглядом. В нем нет благородного гнева спасителя. От него веет прямой, смертельной угрозой.

— Девушка останется со мной.

— Но... — начинает укушенный.

— Это даже не обсуждается. Напомните своему заказчику, что на моей территории решать проблемы с женщинами и детьми запрещено. Второго предупреждения не будет.

Повисает тишина. Нападавшие явно колеблются, не зная как поступить. И я замечаю, как неизвестный в фургоне поднимает руку и дважды стучит по створке. После этого жеста уроды сразу отступают. Один из них хватая меня за предплечье и грубо выдергивает наружу. Я еле удерживаюсь на высоченных каблуках и, пока восстанавливаю равновесие, слышу, как за моей спиной захлопывается дверь. После чего ублюдки синхронно запрыгивают в салон, и машина срывается с места.

Мы остаемся одни.

Незнакомец внимательно осматривает меня и спрашивает

по-английски:

— Вы в порядке?

— В полном, — бросаю я невозмутимо.

Расправляю плечи, игнорируя боль в скуле и ногах. Поправляю складки на платье и стряхиваю с него пыль. Стараюсь выглядеть так, будто все произошедшее лишь досадное недоразумение.

— Правда? — мужчина приподнимает бровь. — А мне кажется, что у вас крупные неприятности, раз за вами отправили этих двоих.

— Вам кажется. Неприятностей не больше, чем обычно, — отмахиваюсь я и позволяю себе так же откровенно изучить его.

Ему около сорока пяти, плюс-минус. Угольно-черные волосы с небольшой сединой на висках. Нос с горбинкой — не изящной, а явно сломанной в прошлом. И это добавляет ему мужественности и харизмы. Но главное — глаза. Темно-карие, почти черные. В них не просто сила. В них абсолютная, непоколебимая власть.

Он напоминает мне отца.

То же редкое сочетание животной угрозы и абсолютного спокойствия. И именно эта узнаваемая, родная тьма в его глазах заставляет меня выпрямить спину еще сильнее. Потому что я знаю правила подобных игр.

— Где вы остановились? — интересуется он. — Мой водитель отвезет вас, куда скажете. С ним вы будете в безопас-

ности.

— Мне некуда ехать. Я здесь проездом. Прилетела ради аукциона.

И это чистая правда. Если эти громилы знают мою настоящую фамилию и как я выгляжу, значит, знают и отель, в котором я остановилась. Возвращаться туда — чистое самоубийство. Аэропорт? Исключено. На паспортном контроле меня будут ждать. Лететь по запасному паспорту? Рискованно.

Мне нужна новая личность и новые документы. Но проблема в том, что такие чудеса не делаются за пять минут. Особенно, когда ты в чужой стране.

Я бросаю быстрый взгляд на запястье. Наручные часы показывают 16:46.

Времени на рефлексию не остается.

— Мне уже пора. Торги вот-вот начнутся, — я поднимаю на мужчину глаза и натягиваю на лицо самую безобидную, девичью улыбку из своего арсенала. — Спасибо, что спасли меня.

— Вы планируете посетить аукцион после попытки похищения? — удивляется он. — Вам не страшно?

Я замечаю бейдж в его руке. Тот же аукционный дом. Золотая окантовка. VIP доступ. Нам с ним сегодня по пути.

— Разве на вашей территории и рядом с вами я не в безопасности?

— Вы так во мне уверены? Что, если я опаснее тех двоих?

— он чуть склоняет голову набок.

— О, я даже не сомневаюсь в этом. Но, в отличие от них, в ваши сегодняшние планы не входила моя кража или убийство. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Какая проникательность.

Мужчина снова пристально ползет по мне взглядом, поняв, что недооценил меня и что-то упустил при первом просмотре.

— Ну так что? — я намеренно обрываю его анализ. — Вы планируете меня похищать или убивать?

— Пока вы не дали мне повода для таких радикальных желаний.

Он коротким жестом приглашает пройти меня ко входу. Я успеваю заметить его руки — крупные, с длинными пальцами и резко очерченными костяшками.

Интересно, каково почувствовать тяжесть этих ладоней на своей талии? Ощутить, как они жестко сжимают бедра?

Тело бросает в жар от вспыхнувших образов. Разозлившись на себя за эту неуместную слабость, я мысленно даю себе пощечину. Гордо вскидываю подбородок и прохожу мимо него.

— Надеюсь, вы не собираетесь бороться за лот номер пять? — спрашиваю я как бы между прочим, когда швейцар распаивает перед нами двери.

— К вашему сожалению, именно за этим лотом я сюда и

приехал, — с нескрываемым удовлетворением отвечает он.

Мои пальцы непроизвольно сжимаются в кулак.

— Какая досада, — не скрываю разочарования я. — Похоже, теперь у вас появился повод для «радикальных желаний».

Мужчина усмехается.

— Чувствую, вечер пройдет увлекательно. И поверьте, я еще никогда не находил поводов для «радикальных желаний» по отношению к шикарным женщинам... настолько быстро.

Я натягиваю дежурную улыбку и шагаю вглубь холла. Уверена, вечер будет увлекательным только для него. Расклад сил понятен без лишних слов. Пока мы идем по коридору, я подмечаю каждую деталь: едва уловимый шлейф нишевого парфюма, безупречно сидящий смокинг, наверняка сшитый на заказ у портного с ^{[i][i]} [Savile Row](#) (Сэвил-Роу) — знаменитая улица в лондонском районе Мэйфэр, исторический центр британского и мирового мужского портновского искусства, известная своими ателье, предлагающими эксклюзивные костюмы ручной работы. и оксфорды ручной работы. И, конечно, часы на его запястье, стоимость которых легко перекроет цену десятка элитных спорткаров.

Нет никаких сомнений, что этот человек способен выкупить старинную ювелирную шкатулку 1890 года, ради которой я пересекла океан, за любые безумные деньги просто чтобы поставить ее на полку в гостевой ванной. Остается

лишь надеяться, что торги для него — всего лишь мимолетная прихоть, и он остановится раньше, чем будет исчерпан мой лимит.

Наивная.

Уже через пять минут торгов я понимаю, что он не отступит. Остальные участники выбывают, едва цена переваливает за сто тысяч — разумный предел, который никто в здравом уме не стал бы превышать. Но мужчина идет напролом.

Мои сто тысяч он безжалостно давит своими ста пятьюдесятью. На мои сто восемьдесят отвечает двумястами пятьюдесятью.

На этом моменте мне следовало бы остановиться, так как я не могу выкупить реликвию за такие деньги. Но азарт берет верх. Я вижу, что этот человек пойдет до конца. И если шкатулку мне не получить, то его триумф должен обойтись ему как можно дороже.

Папа всегда говорил: «Если проигрыш неизбежен, сделай так, чтобы победа врага казалась ему поражением».

Я вновь поднимаю табличку. Из чистого упрямства и с извращенным удовольствием перебивая каждую его ставку.

Триста. Четыреста. Пятьсот...

Зал замер. Гости переводят взгляд с меня на него, но мой соперник остается абсолютно невозмутимым. Я продолжаю эту «войну», пока голос аукциониста не объявляет семьсот тысяч.

Семьсот тысяч фунтов стерлингов за вещь, за которую

другие не готовы были отдать даже ста.

— Семьсот тысяч — раз... Семьсот тысяч — два... Продано!

Довольная своей мелкой, но разорительной пакостью, я встречаюсь взглядом с незнакомцем и дерзко улыбаюсь ему. Он не спешит отвечать взаимностью, но в его глазах вспыхивает жгучий интерес.

Я его зацепила.

Впрочем, как и он меня.

Следующий час я наблюдаю за его абсолютным триумфом. Лот за лотом он забирает все, ради чего пришел: картину, старинные часы, набор дуэльных пистолетов. Злость от проигрыша шкатулки мешается во мне с глупым, невольным восхищением. В своем властном спокойствии этот мужчина чертовски хорош.

Когда объявляют перерыв и гости тянутся к бару, я направляюсь к высокому столику, где стоит *он* в окружении нескольких мужчин. Иду не спеша. Останавливаюсь ровно на таком расстоянии, чтобы попасть в его поле зрения, но не выглядеть навязчивой. Мне необходимо закрепить эффект и попросить его о помощи. Теперь я не сомневаюсь, что он в состоянии решить мою проблему.

Родители впервые за долгие годы улетели в отпуск вдвоем, и я не собираюсь портить им такой редкий отдых своей ошибкой. Стоит мне связаться с человеком, который решает возникшие проблемы с личностями, как отец тут же обо

всем узнает. Они с мамой сорвутся, прилетят в Лондон, и папа перевернет весь мир, чтобы найти заказчика моего похищения.

Я прекрасно понимаю, что когда они узнают правду, их ярость будет сравнима с природным катаклизмом. Но это случится позже. Сейчас я должна справиться сама.

Сжимаю руки в кулаки и резко разжимаю — старый прием, которому научил отец.

«Если тело помнит страх, дай ему работу».

А мое тело до сих пор помнит хватку чужих пальцев на предплечье и резкий запах табака, от которого до сих пор подкатывает тошнота.

Медленный вдох, глубокий выдох. Не время для паники. Потому что мой расчет оказывается верным. Мужчина замечает меня. Коротко кивнув собеседникам, он прерывает разговор и направляется прямо ко мне.

— Поздравляю с победой, — произношу я фальшиво-сладким голосом, когда он останавливается рядом.

Мужчина молча берет мою ладонь, подносит к губам и едва касается тыльной стороны.

— Благодарю. Особенно за старательное вычищение моего счета, — ухмыляется, не отрывая от меня взгляда.

— Рада стараться.

— Надеюсь, я вас не сильно расстроил своей победой? — вкрадчиво интересуется он.

Я готова выколоть вам глаза прямо сейчас!

Скоро моему отцу исполняется пятьдесят лет, и я хотела преподнести ему нечто особенное. Десять лет назад он пытался выкупить эту шкатулку у английского коллекционера, но тот был непреклонен и отказался продавать даже за тройную цену. После его смерти наследники выставили всю его коллекцию на аукцион, и я решила, что это идеальный подарок любимому родителю.

И меня до дрожи бесит, что мне не удалось воплотить задуманное.

— Что вы, — я аккуратно высвобождаю пальцы из его руки. — Как вы можете меня расстроить, когда, по сути, спасли мне жизнь?

— Я обещаю возместить ущерб вашему самолюбию, мисс... — он делает паузу, ожидая мое имя.

— Эмма Торнтон.

— Это имя я уже знаю. Мне интересно узнать ваше настоящее.

Его пронизательность сбивает с толку. Но я не позволяю себе стусеваться. Смотрю на него в упор и отвечаю твердо, без тени сомнения:

— Это мое настоящее имя. А что? Оно вам не по вкусу?

— Мне по вкусу вы, — произносит он с легким прищуром. — Но вы определенно не та, за кого себя выдаете.

— А вы всегда так уверены в своей правоте?

— Абсолютно. Моя интуиция редко меня подводит.

— Интуиция? — я усмехаюсь, скрестив руки на груди. —

Интересное оправдание для того, чтобы лезть не в свое дело.

Мужчина делает шаг вперед. Теперь нас разделяют жалкие сантиметры. И чем ближе его лицо, тем сложнее мне сохранять спокойствие.

— После того как я вас спас, Эмма... Вы стали *моим* делом.

Его энергия подавляет, обволакивает, сбивает настройки. Такой манящий, вежливый, обходительный хищник.

Я абсолютно уверена, что если дьяволы существуют, то они выглядят именно так — в дорогих костюмах и с глазами, в которых плещется бездна.

— Всего доброго, мистер... — теперь паузу держу я.

— Дугаев. Давид Дугаев.

— Всего доброго, мистер Дугаев. Надеюсь, шкатулка была вам нужна не для того, чтобы потешить свое эго, — язвительно бросаю я и резко разворачиваюсь, чтобы уйти и закрепить за собой эффект.

— А что, если я просто хотел привлечь ваше внимание? — прилетает мне в затылок вопрос.

Я застываю и оборачиваюсь.

— Это была бы самая провальная тактика в вашей жизни. И к тому же неоправданно дорогая.

— Я шучу. Просто хотел еще раз взглянуть в ваши прекрасные зеленые глаза, *мисс Торнтон*, — произносит мою фамилию с легкой иронией, давая понять, что не поверил ни единому слову. — Можете быть уверены, шкатулка послу-

жит очень благим целям.

— Постараюсь в это поверить.

Смерив его взглядом, я возвращаюсь в зал.

На экране проектора появляется следующий лот — перстень 1970 года с двумя изумрудами. Эти камни напоминают мне мамины глаза — глубокие, теплые и всегда немного печальные. Я не раз замечала, что именно они действуют на папу успокаивающе. И планировала подарить это кольцо в комплекте со шкатулкой. Он бы хранил его в нем, как хранит нас с мамой.

Всегда под замком. Всегда под контролем.

Не проходит и пяти минут, как соседнее кресло тихо скрипит. Я напрягаюсь, уловив знакомый шлейф парфюма.

— Не хочу терять вас из виду, Эмма, — тихо произносит Давид, устроившись рядом.

Я оставляю его без ответа. Лишь бросаю короткий насмешливый взгляд, чтобы мои «прекрасные зеленые глаза» его не отпускали до конца аукциона.

Когда торги возобновляются, начинается новая гонка. К счастью, мой сосед не претендует на перстень, и я на короткий отрезок времени успокаиваюсь. Ровно до тех пор, пока какой-то неприятный тип через проход не поднимает ставку выше, чем я рассчитывала:

— Сто пятьдесят тысяч!

Я понимаю, что, если он продолжит в таком же темпе, у меня совсем скоро не останется денег на счету. Уже собира-

уюсь поднять табличку, чтобы назвать новую сумму, как вдруг слева раздаётся ленивый голос Давида:

— Триста тысяч.

Зал стихает, и я вместе с ним. Надо быть полным идиотом или безумцем, чтобы перебить такую сумму за простое винтажное кольцо. Мой оппонент дураком не был, поэтому остановился.

— Триста тысяч — раз. Триста тысяч — два. Триста тысяч — три. Продано!

Я поворачиваюсь к Дугаеву, который сидит с абсолютно ровным видом и поправляет запонку на манжете. Смотрю на него и еле сдерживаю порыв вцепиться ему в глотку.

Он снова забрал то, что должно было стать моим.

— Мне казалось, вы не заинтересованы в данном перстне, — тихо вышеживаю я, с трудом сдерживая возмущение.

— Личные счёты с мистером Уокером, — он едва заметно кивает в сторону конкурента, а затем переводит взгляд на меня. — К тому же, я ведь сказал, что искуплю вино за шкатулку.

— Забрав у меня ещё и кольцо? Вам стоит сменить священника, мистер Дугаев. У вас крайне искажённое представление об искуплении.

Он издаёт тихий смешок и подается вперед, заставляя меня замереть.

— Я дарю вам это кольцо, — шепчет мне на ухо. — Но взамен я хочу получить кое-что от вас.

— И что же?

Душу?

— Сходите со мной на свидание, Эмма... кем бы вы ни были на самом деле.

Свидание?

С мужчиной, который, возможно, годится мне в отцы, но выглядит сексуальнее, чем любой из моих бывших?

С мужчиной с бешеной энергетикой, от которой низ живота сводит судорогой?

С мужчиной, который способен не глядя выложить триста тысяч фунтов просто за ужин со мной?

И главное... С мужчиной, за спиной которой я буду в Лондоне в безопасности и который сможет решить вопрос с новыми документами?

Мой выбор очевиден.

Я растягиваю губы в улыбке и теперь сама тянусь к нему.

— Я схожу с вами на свидание, мистер Дугаев... — я невольно касаюсь губами мочки его уха, улавливая, как напрягаются мышцы на его шее. — Кем бы вы ни были.

Глава 2

Ариана

Лондон

Ресторан оказывается не таким, как я ожидала. Никакой вульгарной роскоши. Мы переступаем порог камерного зала на втором этаже старинного особняка, стоящего через дорогу от аукционного дома. Вокруг царит теплый приглушенный свет, на белоснежных скатертях танцуют блики свечей, а обволакивающий джаз погружает в состояние покоя.

Дугаев обходительно отодвигает для меня стул и скользит ладонью по моей спине. Обычная вежливость, но он задерживает руку на долю секунды дольше, чем требует этикет. Ровно настолько, чтобы я почувствовала тепло его пальцев сквозь тонкую ткань платья. И ровно настолько, чтобы по телу пробежала предательская дрожь.

Он садится напротив. Спокойно расправляет салфетку и кивает подошедшему официанту. Парень наполняет наши бокалы красным вином, а после принимает заказ, который Давид делает за нас обоих, даже не открывая меню.

Я позволяю ему эту маленькую демонстрацию власти. Более того — она мне нравится. Не потому, что он решает за меня, а потому, что делает это с абсолютной уверенностью, что мне понравится его выбор.

За последние полтора года у меня не было ни одного удач-

ного свидания. Мои требования к мужчинам растут, а их представления о мужественности становятся все более жалкими. Мы просто существуем в разных вселенных: я ищу силу, а мне подсовывают дешевую самоуверенность; я жду поддержку, а получаю инфантильность. Мне нужен тот, с кем я смогу наконец выдохнуть и позволить себе стать мягче и слабее, а вместо этого приходится быть еще жестче и сильнее.

И вот сейчас, глядя на мужчину, безупречного в своей сдержанности, мне кажется, что у него есть все шансы изменить мою грустную статистику.

Когда парень исчезает, Дугаев складывает пальцы домиком и переводит все свое внимание на меня.

— Значит, Эмма Торнтон, — медленно произносит он, пробуя мое имя на вкус. — Что привело вас в Лондон?

В его английском едва заметно проскальзывает жесткий восточноевропейский акцент. Скорее всего, он из России или стран ближнего зарубежья. Это объясняет, откуда похитители знают его.

Я мягко улыбаюсь, беру бокал и делаю небольшой глоток, выигрывая время. Мне нужно выстроить в голове убедительную ложь, исходя из легенды Эммы Торнтон.

— Я консультирую частных коллекционеров. Помогаю находить редкие вещи, оценивать их подлинность и вести переговоры. — отвечаю я на чистом английском.

Так как с детства он был для меня вторым родным язы-

ком, я уверена, что Давид точно не уловит в моей речи акцент.

— И часто ваша помощь заканчивается попыткой похищения?

— Это был первый такой случай.

Он ухмыляется, давая понять, что по-прежнему не верит мне.

— Кто ваш клиент?

— Конфиденциальность, мистер Дугаев. Вы должны понимать.

— Понимаю, — Давид медленно скользит взглядом по линии моих скул, очерчивает губы и замирает на глазах.

Этот зрительный контакт становится почти осязаемым.

— Что, оцениваете, стою ли я потраченных денег на перстень? — не выдержав напряжения, я слегка приподнимаю бровь.

— О, вы определенно стоите больше.

Во рту пересыхает. Между нами повисает короткая, наэлектризованная тишина, которую уже скоро прерывает вибрация его телефона.

Давид достает смартфон, смотрит на экран, и я вижу, как его расслабленная усмешка испаряется, черты лица заостряются, а плечи вдруг каменеют.

— Прошу прощения, — бросает он, поднимаясь из-за стола, и отходит к окну.

Я делаю вид, что увлечена пламенем свечи, но краем гла-

за наблюдаю за женщиной. У окна стоит совершенно другой человек. Не галантный собеседник с безупречными манерами, а тот, кто скрывается за этой ширмой. Он не жестикулирует и не повышает голоса. Говорит тихо, коротко и сухо. Но во взгляде сквозит что-то настолько жуткое и первобытное, что внутри все инстинктивно сжимается.

Мне следовало бы испугаться. Встать, схватить сумку и бежать, пока есть возможность. Но вместо страха внутри просыпается та часть меня, что вечно тянется ко тьме, но которую я годами стараюсь держать в узде. Эта часть открывает глаза, смотрит на Дугаева и, испытывая иррациональное удовлетворение от одного его вида, тянет руки прямо к нему.

Договорив, Дугаев убирает телефон во внутренний карман пиджака и возвращается на свое место.

— Простите. Неотложные дела, — он тянется к бокалу.
— На чем мы остановились?

— На вашем анализе моей персоны.

— Ах да. Прекрасная *Эмма Торнтон*, которая консультирует коллекционеров, появляется на закрытых аукционах безупречно подготовленной и умудряется попасть в неприятности еще до ужина.

— Звучит так, будто вы мной восхищаетесь.

— Я пока выбираю между восхищением и подозрением,
— впивается в меня острым взглядом. — Мои люди только что выследили тех, кто пытался вас выкрасть, но допросить не успели. Кто-то их опередил.

Холод поднимается от живота к груди, расплзается по ребрам и касается горла пальцами. Я знаю это ощущение — оно всегда приходит, когда ситуация выходит из-под контроля.

— В каком смысле «опередил»?

— Их ликвидировали, — буднично сообщает Давид. — Кому-то очень не хочется, чтобы я узнал имя заказчика.

— Что ж... — я стараюсь удержать свой голос ровным. — Значит, у меня действительно крупные неприятности.

— У вас крупные неприятности, Эмма, а у меня — вопросы. — он подается вперед, вторгаясь в мое личное пространство. — Кто вы такая?

Я принимаю этот вызов и не отвожу от него глаз. Знаю, что, если сейчас дрогну — он меня сожрет. Поэтому неспешно откидываюсь на спинку стула, закидываю ногу на ногу и обхватываю ножку бокала.

— Повторяю в последний раз, — чуть вздернув подбородок, чеканю каждое слово: — Меня зовут Эмма Торнтон. Если мой ответ вас не устраивает, мистер Дугаев, то я могу уйти и не беспокоить вас. У меня есть проблемы — это факт. Но я не собираюсь рассказывать вам о них за первым же бокалом вина только потому, что вы умеете красиво говорить и смотреть.

Мужчина задумывается, сканируя мое лицо. Он по-прежнему не верит моим словам, но я надеюсь, что все же не отпустит меня. Если наемников убрали, значит, люди, стоящие

за похищением, куда опаснее, чем я думала, и второго промаха они не допустят.

Следующая их попытка окажется точнее.

Поэтому как бы мне ни хотелось это признавать, но факт очевиден: без Дугаева мне из Лондона не выбраться.

— Хорошо, Эмма, — неожиданно соглашается Давид и зеркалит мою позу, откинувшись назад. — Уходить никуда не нужно. Иначе к утру моим людям придется соскребать вас с асфальта. Было бы жаль потерять такой бриллиант.

Внутри меня лихорадит от накотившего облегчения, но внешне я ничем себя не выдаю. Напротив, я заставляю себя иронично усмехнуться:

— А я-то подумала, что вы просто не хотите отпускать меня.

Мужчина смотрит на меня с легким прищуром.

— Вы правы. Я не хочу вас отпускать. И помогу вам. Завтра утром мой человек займется вашими документами. Сейчас вам и в самом деле опасно возвращаться в Канаду под своим именем. Ну, а пока вы в Лондоне, я дам вам охрану и жилье. Будете в полной безопасности.

По дороге сюда, я успела наплести, что живу в Торонто и прилетела в Лондон исключительно по работе. Для убедительности даже набросала гид по своим «любимым» заведениям и живо расписала, где подают лучший путин² с рваной

¹ Путин (poutine) — это знаменитое национальное блюдо родом из Канады. Оно состоит из хрустящей картошки фри, покрытой кусочками молодого рассольного

свининой. И, судя по всему, хотя бы в эту часть моей выдумки он поверил.

— С чего такая щедрость? — изображаю подозрительность и скрещиваю руки на груди. — Мы знакомы едва ли пару часов.

— Вы меня заинтересовали. Это случается редко.

— И что именно вас заинтересовало?

— Ваши глаза, — его голос падает на тон ниже.

От этого тембра внутри меня что-то сладко и тревожно сжимается. Рефлекс, который я обязана подавить и не реагировать на него. Но не подавляю.

В этот момент появляется официант, бесшумно расставляет тарелки и подливает вино. А я только и делаю, что жду, когда он исчезнет.

— Расскажите о себе, — прошу я, когда мы снова остаемся одни.

Давид не спешит отвечать. Берет со стола нож, неторопливо крутит его в пальцах и словно обдумывает, с чего начать.

— Я всю жизнь коллекционирую предметы искусства, — наконец произносит он. — Открыл несколько фондов, помогающих молодым художникам. В разных странах у меня больше двадцати проектов, связанных с живописью, реставрацией и частными коллекциями.

Попадает в самую суть *меня*. В ту часть, которая с детства замирает перед картинами, находя в них больше правды, чем

в людях В ту, которая может часами гулять в музее. Именно эта глубинная часть привела меня на искусствоведческий факультет — я просто не могла иначе.

Интерес к мужчине возрастает до небывалых размеров.

— Хорошо разбираетесь в искусстве? — интересуюсь я.

— Достаточно.

— Какое удобное слово. Им можно прикрыть и глубокие знания, и полное отсутствие вкуса.

Уголок его губ едва заметно поднимается.

— Проверяете меня?

— Разумеется.

— Тогда задавайте вопросы точнее.

— Что вы видите в этой картине? — киваю на полотно, висящее на стене за его плечом.

Абстракция. Светлый фон — не белый, скорее молочный, теплый, будто под ним спрятан слабый свет. Поверх — темные резкие, грубые мазки. Они пересекают холст под разными углами, как следы от ножа или ветви, бьющиеся в окно во время бури. На первый взгляд картина кажется хаотичной. Но если присмотреться, то понимаешь, что хаос здесь удержан.

Давид поворачивает голову к полотну. Не торопится. Смотрит долго, внимательно, без напускной важности, с которой люди иногда делают вид, что понимают искусство.

— Я вижу боль, — произносит он наконец. — Точнее: момент после нее. Тяжелое одиночество. Когда ты остался жив,

но все, ради чего стоило дышать, уже ушло.

Эта глубина мысли цепляет меня за живое.

Дугаев возвращает взгляд на меня:

— А что видите вы, Эмма?

— Помимо боли и одиночества, здесь есть злость, — говорю я, цепляясь глазами за мазки. — Та самая, которую тебе запрещено показывать, потому что от тебя все ждут достоинства и правильных реакций. Ты не можешь разнести к чертям комнату, не можешь завывать в голос или швырнуть что-нибудь в стену. Поэтому ты берешь кисть и начинает писать, чтобы твоя боль по-настоящему существовала хоть где-то.

Я вновь смотрю на мужчину.

— Художник написал ее после смерти жены, — негромко произносит он.

В его голосе что-то меняется едва уловимо. Но я успеваю заметить этот сбой.

— И его боль вам знакома? — спрашиваю аккуратно.

— Лучше, чем хотелось бы.

— Вы тоже потеряли жену? — зачем-то лезу туда, куда никогда не позволила бы залезть чужому человеку.

Но Давида словно это не пугает.

— Я потерял любимую женщину, — очень точно исправляет меня.

И звучит это так просто и так оглушающе честно. Он просто говорит правду, а я испытываю почти болезненный восторг.

Потому что я так не умею. И не могу.

Я почти не знакома с правдой.

Между нами снова сгущается воздух. Исчезают зал, музыка, свечи, официанты. Остаются только его глаза и мой пульс, вдруг ставший неприлично громким. Я чувствую его где-то в горле, в запястьях, под ребрами. Глупое и достаточно опасное ощущение. словно я стою слишком близко к огню и вот-вот в него прыгну.

Давид подается вперед и неожиданно тянется ко мне рукой. Не спешит, дает мне время уйти от этого контакта. Но я не шевелюсь.

Он невесомо дотрагивается до моей щеки, чуть ниже глаза. Контакт длится секунду, не больше. Но меня прошивает насквозь. От скулы — вниз, по шее, и прямо в грудь. Щеки горят, легкие сводит спазмом, внутри все сжимается.

Меня еще никогда так не накрывало. Обычно я контролирую все, вплоть до последней эмоции. Обычно мужские прикосновения не вызывают ничего, кроме приятного тепла. Но это — другое. Это абсолютное, обезоруживающее короткое замыкание нервной системы.

— Ресничка, — тихо объясняет Давид, показывая тонкий волосок на подушечке пальца, после чего возвращается на свое место.

Его губ касается легкая усмешка. Он заметил, как меня повело, но предпочел промолчать.

Какое королевское великодушие...

Остаток ужина пролетает как одно мгновение. Время для меня полностью стирается. Разговор, начавшийся с разведки, незаметно перерастает во что-то интимное и глубокое. Мы говорим о коллекциях, аукционах и скрытых кодах в живописи — о том, что заставляет мое сердце биться быстрее. Давид вспоминает первую картину, купленную еще в студенческие годы. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь ему без привычной настороженности. Он тоже расслабляется и начинает напоминать мне живого человека.

Мы заказываем еще вина. И еще. За окном сгущаются сумерки, свечи на столах оплывают, а официанты бесшумными тенями меняют приборы. Лишь когда зал окончательно пустеет, а метрдотель начинает бросать на нас вежливые, но красноречивые взгляды, Давид поднимается с места.

— Кажется, нас выгоняют, — произносит он, протягивая мне руку.

Я без раздумий вкладываю в нее свою ладонь.

Ночной Лондон встречает нас сыростью. Воздух пахнет мокрым асфальтом, прелой листвой и грозой, которая вот-вот разразится.

У тротуара уже ждет тонированный «Майбах». Один из охранников распахивает дверь, и я первой ныряю в салон, спасаясь от ветра и мелкого колючего дождя. Следом садится Давид. Как только дверь за ним захлопывается, он тянется к панели управления и одним нажатием поднимает перегородку, отсекая нас от водителя и охраны.

Машина плавно трогается с места. За стеклом плывут золотистые огни вечернего города, размытые дождевыми каплями. Я смотрю в окно, но почти ничего не замечаю. Слишком остро чувствую мужчину рядом. Его молчание. Его близость. Тепло его тела в замкнутом пространстве салона.

В какой-то момент он подается вперед, к мини-бару у противоположного сиденья, и вскользь задевает мою голень.

Случайно.

Наверное.

Мое тело мгновенно реагирует предательской, обжигающей вспышкой в месте соприкосновения. Я вжимаюсь в спинку сиденья и заставляю себя не шевелиться.

Дугаев выпрямляется, отвинчивает крышку бутылки и делает неторопливый глоток.

— Ты замерзла? — спрашивает он ровно.

И все же в уголке его рта скользит тень усмешки.

— Нет.

— Уверена?

— Абсолютно.

Пространство начинает сужаться до размеров капкана.

Он делает еще один глоток, так же неспешно завинчивает крышку и ставит бутылку в подстаканник. Каждое движение у него подчеркнуто спокойное, выверенное, почти ленивое. Так двигается хищник, который делает вид, будто охота еще не началась, хотя жертва уже загнана в угол и все пути к отступлению отрезаны.

И я действительно чувствую себя загнанной жертвой. Но пугает другое: если обычно в критических ситуациях у меня включается агрессия и желание наброситься, то сейчас я просто замираю и жду. Жду и хочу этого броска.

Как такое вообще возможно? Что за катастрофический сбой в моей системе?

Давид поворачивает голову в мою сторону.

— Тогда почему ты так сильно дрожишь?

— Потому что ты слишком много себе позволяешь, — парирую я, стараясь удержать привычную сдержанность.

Получается хуже, чем хотелось бы.

— Если бы я позволял себе много ты бы не сидела так далеко.

— Соблюдайте дистанцию, мистер Дугаев, — перехожу на официальный тон в надежде, что это вернет нам дистанцию.

Но вместо этого, Давид подается ко мне всем корпусом.

— О какой субординации вы говорите, мисс Торнтон? — шепчет он.

От звука его голоса по моей коже пробегает обжигающая, постыдная дрожь. И уже в следующее мгновение я чувствую, как его ладонь уверенно ложится на мое колено.

Я цепенею. Смотрю прямо ему в глаза и отчаянно делаю вид, будто ничего не происходит. Будто салон машины в секунду не сжался до размеров спичечной коробки, готовой вот-вот вспыхнуть от малейшей искры.

— Ты прекрасно умеешь держать лицо, Эмма, — произ-

носит Давид тихо, почти ласково.

Его большой палец начинает медленное движение по тонкому нейлону чулка. Неспешное. Гипнотическое. Невыносимо точное.

У меня спирает дыхание, а низ живота наливается пульсирующей, сладкой тяжестью.

— Но твоё тело, — продолжает он, не сводя с меня глаз. — Оно предаёт тебя весь вечер.

Я молчу. Воздух застревает в лёгких колючим комом. Я не могу ни ответить ему, ни сбросить его руку. Меня словно сковало до ужаса унижительным параличом.

Но одновременно до чего же сладким...

Мужская ладонь скользит выше по бедру. Сантиметр за сантиметром, и вот уже пальцы достигают кружевной кромки чулка. Останавливаются. Чуть шероховатые подушечки проводят по линии соприкосновения шелка и обнажённой кожи. На грани изощрённой пытки.

— Ты дрожишь. Тебе точно не холодно?

В его голосе звучит такая порочная забота, что мне хочется одновременно ударить его и податься вперед. Навстречу его пальцам.

— Нет, — выдаю хрипло. Мне стоит титанических усилий продолжать смотреть ему в глаза. — Может, это просто тряска от дороги.

— Может, — легко соглашается он и неожиданно убирает

руку.

Внутри меня все с грохотом обрывается.

Тело простреливает такая внезапная и острая ломка, что я едва не выдаю себя вздохом.

Моя произвольная реакция не ускользает от Давида. Давид поднимает руку и зарывается пальцами в мои волосы у виска, обхватывая лицо. Его большой палец медленно гладит мою скулу. Я до боли сжимаю челюсти, чтобы не закрыть глаза, не застонать в голос и не потереться о его ладонь, как изголодавшаяся по ласке кошка.

— Я тут подумал, *Эмма*, — произносит он, неотрывно изучая мои губы. — В отеле вам будет слишком одиноко. И, откровенно говоря, я бы не хотел доверять вашу безопасность кому попало.

— Как трогательно, — иронизирую я, цепляясь за сарказм как за последнюю линию обороны. — Хотите подняться со мной в номер и охранять мой сон?

— Я хочу, чтобы вы поехали ко мне, — его глубокий голос забирается под кожу. — Чтобы я мог круглосуточно *охранятьваш сон*.

Я смотрю на него и не нахожу в себе ни одного разумного ответа.

— Если, конечно, вы не боитесь меня, — добавляет он, бросая прямой вызов.

Я не боюсь его. В этом и проблема.

Я ужасно боюсь себя.

Потому что даже не думаю отказываться от его предложения. И от своего безумного желания узнать, что еще этот мужчина может сотворить с моим телом, с моими мыслями и с моей хваленой выдержкой...

Глава 3

Ариана

Лондон

— Ханукаева Ариана Роландовна, — проговариваю четко, впившись взглядом в собственное отражение.

Из зеркала на меня смотрит блондинка с голубыми глазами. Я жадно фиксирую самые важные детали на своем лице: холодный оттенок радужки, родинка на губе и тонкий шрам через бровь. В мире, где я веду постоянную игру с чужими именами и личностями, где ложь стала моим вторым дыханием, я боюсь лишь одного — забыть и окончательно потерять себя настоящую.

— Ханукаева Ариана Роландовна, — повторяю тише и касаюсь пальцами рубца.

Мое самое яркое напоминание о том, насколько опасно быть собой. И насколько невыносимо — быть к кому-то привязанной.

— Дочь Медеи и... — сбавляю голос до шепота. — Роланда.

Смакую их имена с наслаждением.

Семья у нас далека от норм и идеалов. Уверена, многие вообще не сочли бы нас семьей. И все же, будь у меня тысяча жизней и в каждой — право выбирать родителей, я выбирала бы их снова и снова.

Мама — моя опора, вечная поддержка и единственный ангел-хранитель, в которого я верю. Она единственная, кто умеет согреть вечную мерзлоту. Не только мою, но и папину.

Папа... Его имя я произношу реже, чем вру. О нем нельзя говорить вслух, потому что так безопаснее. Для мира я — безотцовщина. Но за закрытыми дверями я до мозга костей папина дочка. Он — мой ориентир и мерило всего мужского. Я не просто восхищаюсь им — я жажду быть достойной его.

— Искусство, лошади, мотоциклы, адреналин, — перечисляю то, что делает меня мной. То, от чего кровь кипит в жилах, а сердце мечется между бешеной скачкой и безмятежным спокойствием.

Тянусь к контейнеру с зелеными линзами. Надеваю их. Моргаю. Голубые глаза исчезают. Вместе с ними исчезает внутренняя резкость. Затем беру парик, сделанный на заказ. Настолько реалистичный и качественный, что без специальных средств от него не избавиться. И в моей сумочке всегда можно найти набор для его снятия.

Теперь из отражения на меня смотрит Эмма Торнтон — зеленоглазая брюнетка, воплощение аристократической скуки. Эмма выбирает личных водителей вместо бешеной скорости, играет в гольф и брезгливо морщит нос при одном лишь слове «борьба». Мы с ней — антиподы. Я придумала ее, когда впервые решила бежать от себя в противоположную сторону. Тогда нам с мамой пришлось провести пять лет

среди снобов, где человека оценивали исключительно по цене его часов и по высоте ворот, за которыми прятались их замки.

С тех пор я возвращаюсь к Эмме в редких случаях. Таких, как недавний аукцион, где нужно вести светские беседы с богатыми и влиятельными людьми, держа идеально ровную осанку и язык за зубами.

Но я всегда оставляю тонкую нить, связывающую меня с каждой выдуманной личностью, чтобы суметь вернуться к себе. Для Эммы это стало искусство. А еще — секс.

И Давид Дугаев разделил эти страсти с таким пылом, что я не смогла устоять.

Наше первое свидание закончилось на шелковых простынях его постели. Его наглая уверенность и дикая сила затянули меня, лишив всякого желания сопротивляться. А горячий, необузданный секс с человеком вдвое старше и опытнее меня оказался настоящим, ошеломляющим откровением. Неистово жарким, первобытным, абсолютно небанальным. Он был именно таким, каким и должен быть — без прикрас, на грани. До дрожи в коленях и звона в ушах, до хрипоты и потери пульса.

Утром я проснулась в его постели и поняла: я хочу остаться с ним не на одну ночь. И даже не на две. А на все, которые он готов мне дать.

Я уверена, что Давид не имеет никакого отношения к моему похищению. Он слишком прямолинеен и решителен для

таких игр. Если бы ему нужна была Ариана Ханукаева, он бы уже давно запер меня в подвале и связался с моим отцом. Вместо этого он запирает меня в своей спальне и связывает в кровати.

Если пытки выглядят так — пытайте меня вечность.

Резкий скрежет ключа в замке выдергивает меня из размышлений. Не теряя ни секунды, я отправляю все «улики» в потайной отсек своей дорожной сумки.

После короткой паузы и еще одной неудачной попытки открыть дверь раздается звонок. Я поправляю укладку, бросаю беглый взгляд в зеркало и душусь парфюмом, украденным с маминой полки. Убедившись, что все село идеально, выхожу из ванной и направляюсь в коридор, чтобы встретить Дугаева.

Отперев дверь, я сталкиваюсь с его тяжелым взглядом. Он стоит на пороге и не спешит входить. Сканирует коридор за моей спиной и задерживается на двери ванной

Я томно улыбаюсь и подхожу к нему ближе, но мужчина игнорирует мою попытку усыпить его бдительность.

— Зачем закрылась на внутренние замки? — возвращает внимание к моему лицу.

Я закрылась, потому что хотела хотя бы немного побыть собой.

Но поскольку последние несколько дней я живу с ним в его квартире, то такая возможность выдается, только когда он уезжает по своим делам. И так как у него есть ключи от

дома, меня спасают три внутренних замка.

— Напоминаю: всего несколько дней назад меня пытались похитить. И я сейчас не доверяю никому, кроме тебя, — объясняю я. — И, знаешь, встречать даму в вечернем платье с допросом крайне невежливо и даже оскорбительно.

Мои слова действуют на него мгновенно. Аналитический прищур исчезает, и он снова смотрит на меня пожирающими глазами. Они медленно, с откровенным наслаждением скользят по моим изгибам, обтянутым в черное платье-миди без бретелей, и задерживаются на линии талии и бедер.

— Выглядишь роскошно, — выносит свой вердикт. — Не хватает лишь украшения на шею.

— Неужели мои ключицы и декольте не справляются с этой ролью?

— Твое декольте справится и спасет любую ситуацию, — Дугаев тянется к моему уху и добавляет тише: — Но моя женщина должна выглядеть на миллион. Особенно, когда находится рядом со мной.

— Твоя женщина? — выгибаю бровь.

— Пока ты под моим крылом и в моей постели — моя! — заключает безапелляционно.

И вместо того, чтобы взбунтоваться, я чувствую, как внутри что-то сладко и позорно поджимается. Борцы за права женщин определенно сожгли бы меня на костре за подобную слабость.

Следом за своей речью мужчина протягивает мне то, что

держит в руке. Я опускаю глаза и замечаю красный пакет от именитого ювелирного дома.

— Примерь его.

Приняв пакет, я подхожу к комоду, достаю кожаную коробку и открываю крышку. На черном бархате лежит ожерелье: голова черной пантеры с изумрудными глазами, усыпанная мелкими бриллиантами.

В этот момент Давид закрывает дверь и приближается ко мне.

— Очень красиво, — удовлетворенно заключаю я. — Можешь надеть?

— Разумеется.

Я поворачиваюсь к нему спиной, лицом к зеркалу. Мужчина достает ожерелье, встает сзади и без труда застегивает замочек. Я с наслаждением наблюдаю, как идеально бриллиантовая кошка ложится в ложбинку между ключиц.

— Подходит к цвету твоих глаз, — констатирует Дугаев, скользя взглядом по моему лицу. — И к темпераменту.

— Согласна, — улыбаюсь я, а затем с нарочитой небрежностью добавляю: — Жаль, нет шкатулки 1890 года, куда можно было бы прятать такую роскошь.

Давид смеется. Собирает мои волосы, перекидывает их на одно плечо и прикасается губами к месту, где красуется след от его вчерашнего укуса.

— Меня безумно заводит твоя наглость и ненасытность, — он замирает, вдыхая мой парфюм, — И этот твой дья-

вольский запах...

— Разве я ненасытна? — я игриво склоняю голову. — Всего лишь хочу шкатулку.

— Которая обошлась мне в десять раз дороже ее реальной стоимости, — парирует он с раздраженным восхищением. — И все из-за одной вредины, которая не умеет проигрывать!

— Ты тоже не обременен этим прекрасным качеством.

— Будь я им обременен, ты сейчас не стояла бы здесь, — его руки опускаются ниже, обводят мою талию и в заключении шлепают по попке, заставляя меня вздрогнуть от наслаждения. — У нас пятнадцать минут, чтобы собраться и выехать из дома.

— Я буду готова через пять, — сообщаю ему и пытаюсь отойти.

Однако Дугаев удерживает меня.

— Но для этого ты должен меня отпустить, — добавляю следом.

— Не хочу, — отрезает он и одним резким движением наклоняет меня вперед.

Одной рукой прижимает меня к прохладной столешнице, а второй задирает подол платья. Холодный воздух кондиционера бьет по горячей коже. Но его ладонь оказывается еще горячее. Дугаев повторяет шлепок, уже не сдерживаясь, и вырывает из моей груди всхлип.

— Давид, не надо! У нас всего пятнадцать минут на сборы! — напоминаю ему, но уже чувствую, как низ живота стя-

живается знакомым пламенем.

— Пятнадцать минут... Этого достаточно, чтобы получить то, что я хочу.

— Зато я не хочу, — возражаю по инерции. — Я уже оделась и собралась!

В ответ он грубо хватается меня за лицо, и тянет его ближе к зеркалу.

— Смотри! — обжигает висок своим дыханием. — Что ты видишь?

Я вижу нас в зеркале. Он — полностью одетый, собранный, опасно-спокойный. Я — с задранной платком, с полуоткрытыми губами и глазами, стремительно темнеющими от желания. Стою в пассивной позе перед ним. Позорная и одновременно возбуждающая картина.

И самое страшное — я не хочу, чтобы что-то менялось.

— Я, например, вижу ту, кто хочет, чтобы ее трахнули, — шипит он на ухо, глядя на меня голодным взглядом.

И эта смесь силы и легкого помешательства сводит меня с ума.

— Мы ведь опоздаем, — выдыхаю я, уже почти не помня, куда и зачем нам надо ехать.

— И ты переживаешь из-за этого? — вскидывает бровь.

И я не могу сдержать ухмылки. Естественно, мне плевать. В эту секунду не существует ничего, кроме этой комнаты и нашего всепоглощающего желания.

— Так я и думал!

Его пальцы скользят под кружевные трусики и раздвигают мои ноги. Я покорно расставляю их шире, чувствуя, как влага выдает все мои жалкие протесты. Давид не тратит время на ласки. Резкий звук застёжки, шелест упаковки презервативов, и вот он уже входит в меня. Резко, без предупреждения, одним мощным движением.

Я вскрикиваю и впиваюсь пальцами в холодный край стола, цепляясь за остатки ускользающей реальности.

— Громче! — мужчина вбивается в меня сильнее, вышибая из моих легких весь воздух. — Пусть все слышат твое «не хочу»!

— Так заслужи, — шиплю в ответ, ловя его потемневший взгляд в зеркале. — Не жди от меня дешевых имитаций и подачек твоему эго.

Я провоцирую. Намеренно машу красной тряпкой перед разъяренным быком, не сомневаясь, что получу именно то, в чем сейчас так нуждаюсь.

А нуждаюсь я в его первобытной, подавляющей силе. Абсолютной власти, жесткости и непоколебимости. Мне нужно, чтобы он подчинил меня полностью, без остатка.

И я достигаю цели. Мужчина больше не щадит. Он задает безжалостный ритм, ломая любое сопротивление. Меня швыряет вперед, из горла вырывается стон. Он до крови кусает мою шею, тут же жадно слизывая капли, сжимает бедра с такой силой, что завтра на коже наверняка останутся черные отметины от его пальцев. Окончательно теряя рассудок,

я сама начинаю двигаться ему навстречу, добровольно растворяясь в этом безумном хаосе.

Все плывет перед глазами. Наши отражения в зеркале смазываются. Я вижу только его мощное тело, вбивающееся в мое, и чувствую железную хватку сильных рук на своих ягодицах.

— Еще... — сиплю я.

И тут же получаю очередной шлепок и грубое проникновение.

— Говорю же: наглая и ненасытная! Ты чертовски мне нравишься, Торнтон!

Игнорирую фамилию. Делаю вид, что не слышу ее.

Ему нравлюсь я. Не Торнтон.

Внезапно Давид сбавляет темп. Наклоняется к моей шее, шумно вдыхает запах кожи и прикрывает глаза, будто смакуя меня.

— Скажи, чья ты?!

Его ладонь скользит к внутренней стороне бедра. Пальцы безошибочно находят самую чувствительную точку и начинают ласкать ее в такт рваным толчкам. От этой запредельной стимуляции я резко дергаюсь, глотая ломкий стон.

— Чья?! — с нажимом повторяет вопрос.

— Твоя!

Я даю ему то, что он требует, лишь бы утолить собственный голод.

Давид открывает глаза, заставляя меня встретиться с ним

взглядом в отражении. В этой темно-карей, почти черной глубине плещется не только животная жажда, но и всепоглощающее чувство победы.

— Повтори! — приказывает он.

— Я твоя! Твоя! — я выкрикиваю это в отчаянной спешке, лишь бы он снова ускорился и трахал меня с прежней силой.

Но вместо этого Дугаев резко выходит из меня. Из горла вырывается жалобный, полный недоумения звук, но сильные руки уже разворачивают мое тело. Он рывком приподнимает меня и сажает на край комода.

— Я передумал. Хочу видеть твое лицо, когда ты кончаешь.

И снова входит в меня. Хватает меня за горло, вдавливая пальцы в кожу и фиксирует мое лицо перед своим. Я проваливаюсь в беспмятство от нарастающего, удушающего кайфа. Веки сами собой тяжелеют и закрываются.

Но Давид быстро одергивает меня:

— Не смей закрывать глаза, мед! Смотри на меня!

Я слепо подчиняюсь ему.

— Кричи, чья ты! — его голос срывается на хрип, и вместе с ним ускоряется все: дыхание, ритм, давление его тела на мое.

Он вбивается в меня до самого основания, вышибая искры из глаз.

И я кричу. Кричу, цепляясь пальцами за его плечи. Кри-

чу, пока он выбивает из меня последние мысли, чувства, силы. Кричу, пока под нами грохочет мебель, а на пол со звоном летят флаконы парфюма. Я кричу, что принадлежу ему. Кричу его имя, пока не хрипну.

И где-то на самом дне сознания я успеваю возненавидеть себя за то, какое дикое, извращенное удовольствие мне приносит это подчинение.

— Моя! — рычит мне прямо в рот и впивается в него.

Жадно. Болезненно. Без капли мягкости. Его руки сжимают мои ягодицы, причиняя боль. Я обвиваю его шею руками, сцепляя пальцы в замок так крепко, чтобы он не смог отстраниться от меня даже на миллиметр.

Его губы, язык и движения расплавляют мозг, превращая мысли в пепел. Он делает последний рывок, и нас ослепляет волна оргазма. Я судорожно выгибаюсь, больше не сдерживая ни крика, ни конвульсивной дрожи. Мужчина перехватывает мое лицо ладонями и упирается лбом в мой лоб. Наши взгляды сталкиваются в сантиметре друг от друга. Мы тяжело и обрывисто дышим, пытаюсь загнать в легкие хоть каплю воздуха. Молчим. Просто смотрим.

Я жду, что это наваждение вот-вот оборвется. Жду, что он отпустит меня. Но Давид не отстраняется. Его пальцы медленно перемещаются с моих скул на шею, невесомо поглаживая быющую жилку. Он продолжает смотреть на меня в упор, словно пытается выжечь свой силуэт на сетчатке моих глаз.

— Надеюсь, теперь я должным образом встретил даму в вечернем платье? — обдает своим дыханием мои губы.

— Теперь да... — шепчу я.

И чувствую, что начинаю тонуть в этой опасной близости.

Глава 4

Ариана

Лондон

Ладонь Давида по-хозяйски лежит на моей талии, и он ведет меня к небольшому старинному зданию. Помимо изощренных *пытоков* постели, этот мужчина еще *мучает* меня погружением в высший свет Лондона. Он открывает передо мной двери закрытых мероприятий и лучших ресторанов, где за вход платят статусом и влиянием. Сегодня он пригласил меня в театр. И, к моему удивлению, не в самый помпезный или знаменитый.

Однако, как только мы входим в фойе, я понимаю его выбор. Здесь все пропитано благородной стариной. Потертый паркет, высокие витражи, и латунные бра на стенах с мягким светом. Воздух густой и сладковатый. Он пахнет вековым деревом, воском оплывших свечей и едва уловимым шлейфом духов гостей.

— Не Ковент-Гарден, конечно, но место с богатой историей, — замечает Давид, когда мы поднимаемся по винтовой деревянной лестнице.

— По ощущениям, здесь творились зловещие вещи, — шепчу, проводя рукой по прохладным перилам.

— Слишком мрачно для тебя?

— Идеально мрачно, — поправляю я, встречая его при-

стальной взгляд.

— Я был уверен, что ты оценишь, — произносит мужчина с удовлетворением.

И я не сомневаюсь, что ставит очередную галочку перед моим именем.

Мы подходим к нашей ложе. Дугаев отодвигает бархатную портьеру, пропуская меня вперед.

— Я думала, мы опоздали, — искренне удивляюсь я, замечая, что занавеси все еще закрыты.

— Режиссер — мой давний друг, — сообщает мужчина, помогая мне опуститься в кресло, обитое бордовым бархатом.

— И ради тебя театр согласился задержать начало спектакля?

— Эта постановка — моя любимая. Ее дают лишь раз в году. В мой день рождения.

Он занимает место рядом.

— У тебя сегодня день рождения? — шокировано смотрю на него.

— Ничего не значащий факт.

— Мог бы и сказать. Я поздравила бы тебя должным образом.

Дугаев поворачивается ко мне. Мажет взглядом по моему лицу, на секунду задерживается на губах, а после встречается с моими глазами.

— Ты и так делаешь все самым должным образом.

— Я могу еще лучше, — томно отвечаю я.

Тяну руку к его шее и запускаю пальцы в густые волосы.

— Не сомневаюсь, — ухмыляется он, прикрыв на миг веки от наслаждения.

Наконец свет в зале гаснет, погружая нас в полумрак. Невидимый диктор объявляет о начале, и оркестр начинает вступление. Тяжелые занавеси ползут в стороны, открывая залитую светом сцену.

Сюжет затягивает с первых минут. Женатый мужчина безнадежно влюблен в жену своего лучшего друга. Эта влюбленность перерастает во всепоглощающую одержимость, которая начинает походить на смертельную болезнь. Чувство долга перед семьей, нерушимые узы братской дружбы и его собственные незыблемые принципы удерживают его от опрометчивых поступков. Однако не могут остановить неизбежное.

История показывает всю глубину мучений этого мужчины. Он тихо наблюдает за счастьем своего друга, оставаясь для обожаемой женщины просто тенью, пока в этот момент рушится его собственная жизнь.

Игра актеров гипнотизирует. Каждое слово, каждая сцена пронзает сердце. А живая музыка попадает в кровоток. Я забываю, кто я и где нахожусь, полностью погрузившись в сюжет.

— Один из любимых моментов, — внезапно произносит Давид.

Заинтригованная я подаюсь вперед, вглядываясь в сцену. Там главный герой остается наедине с той самой. Берег океана. Шум волн. И тихое, сломленное отчаяние женщины, закрывшей лицо руками. Мужчина, преодолевая собственное сопротивление, тянется к ней. Обнимает. Успокаивает. И вот уже их губы смыкаются.

Поцелуй получается глубоким и отчаянным. Он похож на настоящее падение в пропасть. В нем — вся накопившаяся боль, годы запретного желания и горький вкус предательства.

В эту секунду гаснет свет. Занавеси закрываются, проводя этим поцелуем черту в жизни мужчины. Резкое включение люстр слепит глаза, и голос из динамиков объявляет антракт.

Я откидываюсь на спинку кресла и поворачиваюсь к Давиду:

— Это твоя любимая сцена потому, что герой наконец-то добился своего и поцеловал ее?

— Примитивно. Все намного глубже. Поцелуй здесь — всего лишь вершина айсберга.

В ложу бесшумно входит официант. Он вносит серебряное ведерко со льдом и шампанским, быстро расставляет закуски и исчезает. Давид поднимается с места, берет бутылку, открывает ее и разливает напиток по бокалам.

— В данном случае эта «вершина айсберга» имеет сокрушительную силу, — отмечаю я и, встав следом, подхожу ближе к нему. — Уверена, этот поцелуй приведет героя к необ-

ратимым последствиям.

Он молча кивает, соглашаясь со мной, и протягивает мне фужер. Я принимаю его и продолжаю рассуждать, находясь под впечатлением:

— Она ведь даже не воспринимала его как мужчину. Для нее этот поцелуй всего лишь крик отчаяния, попытка спастись от одиночества. Но не вожделение. Не страсть. И уж тем более не любовь.

— Так и работает одержимость. Тебе плевать, что чувствует другой. Твоя единственная цель — поглотить его. Завладеть его вниманием, временем, мыслями. Любой ценой.

Задумываюсь, вращая тонкую ножку хрусталя между пальцами и наблюдая, как свет люстр преломляется в напитке.

— Интересно, каково это? Полностью отдать себя во власть слепого, горячего сердца, отключив рассудок?

Я поднимаю взгляд на Давида. Вся прелесть этого мужчины в том, что с ним интересно не только в постели. Его ум — вот что действительно заводит. В его рассуждениях я чувствую превосходство, нескончаемый опыт и силу. И это восхищает, заставляя желать его еще больше.

Дугаев не спешит с ответом. Делает глоток и только потом заключает:

— Это как гореть заживо, но молиться, чтобы этот огонь никогда не погас.

— Красивая метафора. Тебе знакомо это чувство? — не

удерживаюсь от любопытства я.

Давид откидывается на ограждение и смотрит на меня с легкой, снисходительной улыбкой.

— Я прожил достаточно длинную жизнь. И знаком со многими чувствами.

— И как понять, что ты перешел грань и стал одержимым?

Он задумывается лишь на мгновение, а после отвечает:

— Когда ты знаешь прогноз погоды в чужом городе лучше, чем в своем. Когда годами хранишь в памяти оттенок глаз и помнишь цвет свитера, в котором человек был в единственный, ничего не значащий вечер. Когда ты узнаешь его шаги в толпе. Когда собираешь каждое случайно брошенное им слово тебе, а по ночам перебираешь их, пытаешься найти скрытый смысл там, где его нет.

— Разве это не любовь? Мне кажется, любой влюбленный ведет себя точно так же.

Мужчина сухо усмехается.

— В начале — да. Влюбленность и одержимость очень похожи. Но со временем одержимость всегда идет в сторону саморазрушения, а любовь — созидания. В этом вся разница.

— Звучит... соблазнительно, — хмыкаю я. — Даже захотелось ощутить на себе это разрушительное сумасшествие.

Я делаю шаг вперед, сокращая дистанцию между нами. Кончиками пальцев касаюсь его галстука и провокационно медленно, глядя ему прямо в глаза, ослабляю узел. Он не сопротивляется. Кладет руку на мою талию и притягивает

меня еще ближе.

— Бойся своих желаний, зеленоглазка. У них есть страшное свойство сбываться.

Слышу за спиной шорох портьер. Оборачиваюсь и вижу помощника Давида. Он стоит на пороге с черной папкой в руках. Его появление настолько некстати, что я с трудом подавляю вспышку раздражения.

Я неохотно выпускаю галстук Давида и делаю шаг назад. Помощник, не удостоив меня даже мимолетным взглядом, быстро подходит к боссу. Он наклоняется, что-то тихо сообщает ему на ухо, вкладывает документы прямо в ладонь и так же бесшумно покидает нас.

Дугаев тут же открывает папку. Решив не мешать ему, я отступаю к столику с закусками. Беру канапе, отправляю в рот и запиваю глотком шампанского. Скучаяще сканирую пространство ложи, оценивая интерьер. И только сейчас осознаю, насколько была поглощена мужчиной и спектаклем, что даже не заметила роскошь, в которой находилась. Оцениваю тяжелую лепнину на потолке, дорогой бархат портьер и старинные полотна в позолоченных рамах.

Как вдруг краем глаза улавливаю силуэт Давида и застываю.

Резкая перемена в его настроении настораживает. Он вчитывается в строки с пугающе сосредоточенным лицом. И выглядит максимально напряженным.

Я подхожу ближе, накрываю ладонью открытую страницу,

перекрывая текст, и пытаюсь вернуть его в прежнее состояние:

— Может, оставишь это на потом? — шепчу я, потянувшись к его шее. Губами касаюсь мочки уха, слегка прикусываю и провожу влажным кончиком языка. — Зачем портить такой вечер работой?

Давид резко и грубо отбрасывает мою руку. Мои инстинкты, годами заточенные на выживание, мгновенно взрываются сиреной.

Я опускаю взгляд на открытую страницу, и меня ошпаривает кипятком. Это не рабочие документы. Это досье. На Эмму Торнтон.

Фотографии. Точные даты. Распечатки с камер наблюдения в аэропорту Хитроу. Мое лицо крупным планом, мое фальшивое имя, моя разобранная по косточкам, уничтоженная легенда. Я чувствую, как кровь отливает от кожи, а конечности мгновенно леденеют.

Не успеваю даже сделать вдох. Давид с яростью швыряет папку в сторону и разворачивается ко мне. Впивается пальцами в мои скулы, жестко фиксируя голову, и выцеживает каждое слово:

— Кто. Ты. Такая?!

— Эм...

— Я даю тебе один шанс выйти отсюда живой, — рычит он, пресекая мою попытку соврать. — Но, если я сейчас услышу из твоего рта «Эмма Торнтон», я сверну тебе шею

прямо здесь.

Дикий, неконтролируемый страх поднимается откуда-то из живота и растекается по всему телу. Мозг начинает работать в аварийном режиме, лихорадочно перебирая варианты. Мой пульс зашкаливает, сердце колотится в горле, но я смотрю ему прямо в глаза. Не моргаю. Не отвожу взгляда. Прикладываю все свои усилия на то, чтобы не показать своего страха.

— Кто тебя подослал ко мне?! — Давид буквально полыхает от ярости. — На кого ты работаешь?

— Ч-что? — нервно выдыхаю я.

В голове происходит щелчок. Дугаев решил, что я здесь по заданию? Что кто-то подослал меня специально к нему? Это действует на меня отрезвляюще. Мужчина понятия не имеет, кто я на самом деле, и ошибся в мотиве. И это мой козырь.

— Давид, до аукциона я понятия не имела, кто ты такой, — начинаю я максимально искренне. — Я прилетела сюда по своим делам. Я простая девушка из...

— Простые девушки не сидят в VIP-ложах! — перебивает он. — И их не пытаются выкрасть высококлассные наемники!

Дугаев разжимает пальцы, но лишь для того, чтобы мертвой хваткой сомкнуть их на моем горле, полностью перекрывая доступ к воздуху. Одним рывком он разворачивает меня и с силой впечатывает спиной в балюстраду. Угол ограж-

дения болезненно врезается в поясницу, срывая с моих губ хриплый, произвольный стон.

— Это последнее предупреждение!

Он наклоняет меня назад, над пустотой, и я понимаю, что, если его пальцы разожмутся, я полечу вниз. Перед глазами плывут черные точки. Кровь набатом бьет в висках, живот сводит от нервов, но я стараюсь задушить панику в зародыше.

В голове вихрем проносятся заготовленные легенды. Десятки личностей, сшитые для разных ситуаций. Но нужно выбрать ту, что идеально ляжет на образ Эммы Торнтон. Мозг начинает работать на пределе своих возможностей. Сейчас я — брюнетка, зеленые глаза. Под этот типаж у меня есть две «личности». Первая — скучная, не потянет. А вот вторая... Дерзкая и богатая на проблемы. Идеально.

— Меня зовут Катарина Лисовая. Фамилия по матери. Я внебрачная дочь одного очень влиятельного человека из Восточной Европы.

Я делаю паузу, проверяя его реакцию. Хватка на горле чуть слабеет, но он все еще держит меня над пропастью. Дышать в таком положении все тяжелее.

— Перед смертью отец включил меня в завещание, — продолжаю я с наигранным драматизмом. — Его законная семейка нашла меня и теперь требует отказаться от всего. А я что, на дуру похожа? Я готова уступить пару активов, но свою долю оставлю себе. Как компенсацию за тяжелое дет-

ство без папочки.

Я нервно сглатываю слюну, чувствуя, как его большой па-лец болезненно вдавливается в кадык.

— Но моих новоявленных «родственников» это не устраивает. Они хотят все. И я уверена, что эти наемники были от них. Потому что они знали мое настоящее имя.

Давид слушает внимательно. Сканирует меня, выискивая хоть малейший признак лжи. Но он ничего не найдет. Потому что пока мама защищала меня собой, папа учил меня защищаться самой. А еще он учил меня искусству лжи. Как выкручиваться на любых допросах. Даже под дулом писто-лета.

И сейчас я как никогда благодарна ему за эти уроки.

— Зачем тебе нужна была шкатулка?

— Эту работу подкинул мне знакомый, который занима-ется мутными делами. Мне сейчас очень нужны деньги на хороших адвокатов. Поэтому я согласилась на такую легкую легальную работу. Думала прилечу, выкуплю шкатулку и по-лучу свои десять кусков, — намеренно добавляю жаргон, вживаясь в роль Лисовой. — Встреча с тобой — счастливая случайность.

— Кто заказчик шкатулки?

— Я ее не видела лично. Знакомый сказал, что это со-стоятельная дама — взрослая женщина из России, которая по каким-то причинам невыездная и не может сама посетить Англию.

Главное правило в моей лжи — это отчасти говорить правду. Тогда любая ложь кажется очень убедительной.

Взрослая женщина, которую я вообразила в голове — моя прабабушка Эльвира, которая могла спокойно захотеть купить подарок для любимого внука — моего отца.

Мелочи. Но они всегда важны.

Зал снова наполняется шумом гостей. Видимо, скоро начнется второй акт. Но мне сейчас не до чужой драмы. У меня тут свой, куда более захватывающий спектакль разворачивается.

Давид резко дергает меня на себя, оттаскивая от перил вглубь ложи. Ставит на ноги, но не отходит. Пока я хватаю ртом воздух, пытаюсь унять головокружение и восстановить равновесие, он достает телефон из внутреннего кармана пиджака. Набирает кому-то и прикладывает смартфон к уху.

— Проверь Катарину Лисовую. И отправь мне все данные, — отдает четкий приказ и сбрасывает вызов, не дождавшись ответа.

Он не сводит с меня свой тяжелый, давящий взгляд. В горле першит, кожа саднит. Я касаюсь шеи, где до сих пор фантомно ощущаются тиски его пальцев.

— Прости, что соврала, — выдыхаю я, стараясь звучать как можно мягче. — Но я клянусь, что не знала о твоём существовании до аукциона. Да и что я могу против тебя?

Я поджимаю губы, всем видом демонстрируя абсурдность его мыслей. Но Давид игнорирует мою игру в невинность.

— Кто тебе подделывал документы? — продолжает он свой допрос.

— Видимо, какой-то неопытный олух, раз меня так легко рассекретили.

— Наоборот, — возражает Дугаев. — Работа проделана отличная.

— Настолько отличная, что я уже дважды подвергалась покушению на свою жизнь? — я издаю нервный смешок. — Я понятия не имею, кто именно подделывал документы. Я лишь объяснила знакомому, что сейчас скрываюсь и не могу вылететь из Штатов под своими настоящими данными. И мне обещали сделать все наилучшим образом.

— Почему именно тебя выбрали на это дело? — Давид не понимает.

И меня начинает это напрягать. Пора топить лед, пока он меня не раздавил.

— Ну, скоро тебе отправят информацию обо мне, и ты все узнаешь... Хотя после того, что ты там прочтешь, шкатулку и подлинники картин ты со мной наедине точно не оставишь.

— Воровка?

— Грешила пару раз, — хмыкаю, изображая легкомысленность. — Ну, плюс связи решают. Ты знаешь, насколько я *хорошая девочка*. Вот мой знакомый и подкидывает мне работенку, на которой можно заработать легкие деньги.

И вот так постоянно — я что-то придумываю на ходу. Выдумываю людей, события, мотивы. Вру, вру, вру.

Сначала этот навык был для меня просто игрой и проверкой собственных возможностей. А потом я и не заметила, как ложь стала неотъемлемой частью меня.

— Получается, трахаешься с этим знакомым за деньги?
— подытоживает Дугаев.

— Трахаюсь, потому что хочу. А работа прилетает бонусом, — исправляю его. — Только как моя личная жизнь относится к делу?

Давид оценивает меня с полминуты. Его взгляд скользит по моему лицу, по шее, опускается ниже, словно пытаюсь сопоставить образ дешевой аферистки с той женщиной, которая стонала все эти дни под ним.

— Эмма Торнтон была поблагороднее, — заключает он.

— Неужели? — изгибаю бровь. — И в чем же благородство Эммы? Разве не она в первую же ночь оказалась в твоей постели, забыв о всех приличиях?

Я подхожу вплотную к нему.

— Но, если ты так сильно хочешь... — вкрадчиво шепчу я. — Для тебя я могу остаться Эммой. Имя не меняет сути. Я все так же люблю секс, искусство и жадна до новых ощущений.

Мои пальцы вновь касаются узла его галстука, который я так и не развязала до конца. Я заканчиваю начатое и, потянувшись к воротнику, расстегиваю первую пуговицу. Вторую.

Давид не двигается и не отводит взгляда от моего лица.

Его дыхание становится тяжелее, а зрачки расширяются, пожирая карий цвет радужки.

— Что ты хочешь найти в моих глазах? — шепчу я, замечая, как его взгляд затуманивается уже знакомой пеленой наваждения.

— Ничего из того, что мог бы найти.

— Но ты ищешь... — я провожу ладонью по его груди, ощущая, как бешено бьется его сердце. — Я напоминаю тебе кого-то?

— Ты слишком много думаешь.

— И тебя это заводит.

Медленно, не разрывая зрительного контакта, я опускаюсь перед ним на колени и касаюсь пряжки его ремня. Секс и подчинение — единственное, что действует на него безотказно. Единственный язык, на котором мы оба говорим без перевода. И сейчас этот язык нужен мне, чтобы выжить.

Внутри все дрожит от страха, что он может не купиться на мою уловку. Сердце заходится от омерзения к себе и к сложившейся ситуации. Но сквозь эту панику и тошноту еще сильнее пробивается темный, постыдный жар.

Дико признавать, но даже сейчас, на грани смерти, я хочу его...

Может быть, именно поэтому и хочу.

— У тебя сегодня день рождения, Давид, — напоминаю я, глядя на него снизу вверх. — И если ты хочешь, я могу сегодня быть кем угодно...

Делаю все, чтобы окончательно усыпить его бдительность, и молюсь, чтобы досье на Катарину Лисовую оказалось кристально чистым и убедительным.

Мужчина смотрит на меня сверху вниз. Молчит секунду, другую, борясь с собой. А затем резко запускает пальцы в мои волосы, грубо сжимая их в кулак и заставляя запрокинуть голову. В его глазах ни капли нежности. Только голод. И что-то еще. Что-то, чему я не могу дать название...

— Тогда постарайся, — приказывает он. — Чтобы я тебе поверил.

Глава 5

Ариана

Лондон

Три недели. Двадцать один день. Ровно столько прошло с того момента, как Давид поверил — или сделал вид, что поверил — в легенду Катарины Лисовой.

Я осталась в Лондоне. Сначала до понедельника — под предлогом забрать документы у его человека. Потом до среды — ради «еще одной ночи». Потом до выходных, под его небрежное: «Куда ты спешишь?».

Но спустя неделю мне все же пришлось вернуться в Калифорнию, чтобы не вызвать подозрений у собственной охраны. Я думала, что на этом все оборвется. Но Давид позвонил уже на следующий день и спросил адрес. Я продиктовала координаты, и через семь часов мы сидели друг напротив друга в ресторане, а ночью я засыпала в его номере отеля.

В тот момент стало очевидным, что мы оба наглухо и плотно подсели друг на друга.

Это превратилось в традицию. Калифорния, Лондон — разницы больше не существовало. Мы пересекали континенты, как соседние улицы. Он — ради нескольких ночей со мной. Я — ради него. И ни один из нас ни разу не спросил, чем это все закончится.

Сейчас наше очередное совместное утро в его лондон-

ской квартире. Город за окном заливают дождем, идеально отражая мое сегодняшнее внутреннее состояние. Мой день начался раньше обычного. Странные сны не давали покоя: я ворочалась, просыпалась, проваливалась в полудрему и в конце концов сдалась. Открыла глаза и теперь просто лежу, слушая, как капли барабанят по стеклу.

Давид еще спит. Во сне его лицо совсем другое. Расслабленное, умиротворенное, без той вечной напряженности, которая присутствует в нем всегда. Складка между бровей исчезла, жесткая линия рта смягчилась. Он выглядит... почти безобидным.

Так и хочется протянуть руку и провести пальцем по его щеке. Прочертить каждую линию, дотронуться до родинки у виска, которую я заметила еще в самую первую ночь и с тех пор всегда неосознанно нахожу глазами. Скользнуть по старому шраму на шее, происхождение которого мне неизвестно, но который каждый раз хочется изучить языком.

Меня не отпускает странное ощущение, будто я знала его всегда. Будто его голос, запах, руки были со мной задолго до аукциона, до Лондона, до всего остального. Это поднимается во мне каждый раз, когда он оказывается рядом, и исчезает, стоит за ним закрыться двери. Но с каждым разом оно проникает все глубже. И я не понимаю, пугает это меня или, наоборот, успокаивает.

— У тебя очень прожигающий взгляд, малышка, — шепчет Дугаев, не открывая глаз.

— Ты такой красивый и безобидный, когда спишь. Необычная картина, — признаюсь я, не меняя позы.

Он размыкает веки, и наваждение мгновенно испаряется. Передо мной снова прежний Дугаев.

— А в обычное время я страшный и опасный?

— Обычно ты пугающе-притягательный, — исправляю его и все-таки позволяю себе провести пальцем по его щеке. — У тебя вечно напряженное, сосредоточенное лицо. Как будто ты просчитываешь все на десятки ходов вперед.

— Так и есть, — он перехватывает мою ладонь и целует кончики пальцев. — Старая привычка.

— А со мной ты тоже просчитываешь?

— С тобой я всегда начеку, маленькая аферистка.

Давид подается вперед, хватает меня за талию и одним движением притягивает к себе. Нависает сверху, сдергивает одеяло и смакующим взглядом скользит по моему обнаженному телу. Смотрит так пристально, словно видит меня впервые, хотя за эти три недели изучил каждый изгиб.

И этот взгляд всегда действует безотказно.

Соски мгновенно твердеют в предвкушении его прикосновений. Давид наклоняется, проводит влажным языком по шее, спускается к ключице и задерживается на ней, прикусывая кожу. Я прикрываю глаза, растворяясь в этом ощущении, выгибаюсь ему навстречу и чувствую, что еще немного и окончательно потеряю себя в нем.

Но вибрация моего телефона на тумбочке разрезает ти-

шину и возвращает меня к реальности. Я тянусь к гаджету, чтобы сбросить вызов и выключить его, но, заметив на экране «Мамочка», резко прихожу в себя.

— Подожди... — я упираюсь ладонью в мужскую грудь, пытаюсь остановить этот напор.

Но Давид игнорирует сопротивление, прокладывая обжигающую дорожку поцелуев к моему животу.

— Это мама. Мне нужно ответить, — с трудом произношу я, борясь с накатывающим дурманом.

— Ответишь потом, — он опускается еще ниже, и я еле сдерживаюсь, чтобы не заскулить от невыносимого наслаждения.

— Нет, Давид. Серьезно.

Я отталкиваю его резче, чем планировала. Дугаев мгновенно замирает. Смотрит на меня снизу вверх с острым прищуром, в котором горячее возбуждение за долю секунды смешивается с заметным раздражением. Он не привык, чтобы его останавливали.

Но сейчас мне не до этого. Мама не стала бы звонить без причины. У нас есть правило: во время отпуска мы не выходим на связь с внешним миром без крайней необходимости.

Если я не отвечу, она позвонит снова. Если выключу телефон — запаникует. А если мама запаникует, ничего хорошего из этого не выйдет. Я слишком хорошо ее знаю.

— Я сварю нам кофе, — бросаю, отталкивая Давида.

Схватив телефон, я поднимаюсь с кровати и быстро на-

правляюсь к выходу. Выскальзываю из спальни, плотно закрываю за собой дверь и только тогда отвечаю на звонок.

— Алло.

— Привет, родная, — голос мамы звучит бодро. Даже слишком.

Что-то случилось.

— Привет, мамуль.

— У тебя все хорошо? Почему сменила номер?

— Все хорошо, просто потеряла телефон. В целях безопасности оформила новый номер, — ложь слетает с губ с привычной легкостью. И горло тут же сдавливает знакомая, едкая горечь.

Ненавижу лгать маме. Всем остальным я могу врать без угрызений совести. Но с самым родным человеком ложь превращается в яд, медленно разъедающий меня изнутри.

— Как у вас дела? — спрашиваю аккуратно.

Я прохожу на кухню, включаю кофемашину и наблюдаю за тем, как нагревается вода. Мысли хаотично мечутся между этим звонком и мужчиной, который ждет меня в спальне. Голый. Разгоряченный. И чертовски нетерпеливый.

— Завтра мы с отцом летим в Москву, — неожиданно заявляет мама.

Я замираю.

— Что?

— Планы изменились. Ты тоже собирай чемоданы. Утром вылетаешь в Россию.

Я стою посреди комнаты с телефоном в руке и не могу вдохнуть. Мамины слова звучат как приговор. Снова.

Сколько раз в своей жизни я уже слышала это: «Собирай чемоданы», «Мы вылетаем»? Обычно за этим следует: «Теперь тебя будут звать...» — и дальше новая легенда, чужие люди вокруг и очередная жизнь, в которой не останется ни прошлого, ни привязанностей, ни меня самой.

— Что произошло? — с трудом выдавливаю я, изо всех сил стараясь не психануть прямо в трубку.

— Пока не знаю. Папе позвонил Демид по срочной линии. После разговора он изменил все планы.

Следом за слепой яростью меня догоняет тревожная мысль. Что-то мне подсказывает, что внезапная смена планов родителей и недавняя попытка моего похищения не случайны и как-то между собой связаны.

— Сейчас Роланд свяжется с Борисом для усиления твоей охраны, — продолжает мама, и я мгновенно отмираю.

— Я не дома, мам...

— А где ты?

Повисает пауза. Я бросаю взгляд на разбросанную по полу одежду: мою юбку, его рубашку, бюстгальтер на спинке кресла. На пустую бутылку вина, которую мы допили далеко за полночь, разговаривая обо всем и ни о чем сразу.

— В другой стране. В гостях у одного парня.

Тишина на другом конце длится ровно три удара моего сердца.

— Борис знает? Твоя охрана с тобой?

— Знает. Я одна... — отвечаю односложно, потому что боюсь, что Давид может подслушивать.

Мама шумно выдыхает.

— Уверена, Борис не захочет лишиться головы и солжет твоему отцу о том, где ты находишься. Немедленно собирайся, позвони ему и скажи, чтобы к тебе отправили охрану. И только вместе с ней возвращайся домой. Ты меня поняла?

— Да.

Я прохожу в центр гостиной, наклоняюсь, подхватываю с пола свои трусики и подхожу к окну.

— Будь аккуратна, пожалуйста, — смягчает голос мама.

— Я тебя очень люблю.

— И я тебя. Очень.

Я сбрасываю вызов и кладу телефон на подоконник. Поднимаю глаза и всматриваюсь в собственное отражение на стекле, за которым бушует ливень. Растрепанная, обнаженная, зацелованная. А за спиной — квартира, ставшая мне почти родной за эти три недели. Не хочу, чтобы это утро заканчивалось. Не хочу снова прятаться за очередной фальшивой биографией и прощаться с Дугаевым. Мне хочется застрять в этом моменте.

Я уже собираюсь отвернуться, чтобы вернуться в постель к Давиду и напоследок утонуть в его объятиях, но мое внимание приковывает темный силуэт в доме напротив, на том

же этаже.

Человек слишком долго стоит неподвижно у окна. И мне кажется, что он смотрит прямо на меня. Вглядываюсь в серую пелену, и сердце начинает колотиться быстрее. В руках у незнакомца что-то небольшое, темное. Телефон? Камера? Оружие?

Не успеваю разобрать. Тень отступает в глубину комнаты и растворяется, будто ее и не было.

Но ощущение чужого взгляда не исчезает. Похожее чувство я испытывала у аукционного дома за несколько минут до того, как двое наемников вышли из ниоткуда и заломили мне руки.

За все эти три недели не случилось больше ничего подозрительного. Ни единого намека на опасность, хвост или слежку. И я списала тот инцидент с попыткой похищения на случайность и свою невнимательность.

Но сейчас тревога вновь просыпается и накрывает меня с удвоенной силой.

— У тебя неприятности? — раздается позади голос Давида.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Он стоит в дверном проеме в одних льняных брюках, держа в руках маленькую коробочку, перевязанную лентой.

— Мне показалось, что за мной наблюдают, — делюсь догадкой я и снова смотрю в окно напротив.

Дугаев подходит ближе.

— Может, кто-то просто залюбовался видом, — усмехается он, скользнув откровенным взглядом по моему обнаженному телу. — И я прекрасно понимаю этого отчаянного.

Пытается перевести все в шутку, но сразу же достает телефон и кому-то звонит.

— Проверьте дом напротив. Все этажи. Потом доложите. Он кладет телефон рядом с моим, переводит взгляд на меня и протягивает коробочку.

— Наконец привезли то, что по праву принадлежит тебе. Я беру ее и открываю крышку. На бархатной подушке лежит перстень. Тот самый, с аукциона.

— Я уже решила, что ты забыл.

— Я ничего не забываю.

Провожу пальцем по холодному металлу.

— Ты знаешь, как называется этот перстень? — спрашивает Давид.

— Знаю.

«*Laques viridis*» — в переводе с латыни «Зеленая петля».

— Если не заказ, я оставила бы его тебе.

— В память о себе?

— В память о своих глазах.

Я поднимаю голову на него и встречаюсь с ним взглядом.

Глубокий, ненасытный, до боли знакомый огонь в его зрачках вспыхивает так ярко, что, кажется, поглощает само пространство между нами. Я вижу в этом огне жажду, приязанность, почти болезненную потребность. Все то, что он

так тщательно и безуспешно пытается от меня скрыть.

С каждым днем влияние моих глаз на Давида становится все более осязаемым.

Впрочем, как и его власть надо мной.

— Не пойму, зеленоглазка, ты что, собралась исчезнуть из моей жизни? — спрашивает он, подхватывая меня под локотки и усаживая перед собой.

— Наоборот, — я обвиваю его талию ногами. — Меньше всего я этого хочу. Но однажды нам все равно придется расстаться...

— Однажды. Но точно не сегодня, — Давид запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня к себе.

— Мама звонила, — наконец сообщаю я, поджав губы. — Сегодня мне придется улететь и заняться вопросами наследства.

— Я могу решить их за одну минуту.

— Давид, мы уже это обсуждали... Мама меня убьет, если узнает, что я связалась с таким мужчиной, как ты.

— Не от монаха же она тебя родила.

— Вот поэтому и бережет от таких, как ты, — я слабо улыбаюсь, стараясь спрятать за этой улыбкой подступающую к горлу тоску.

— Если вдруг что...

— Я знаю, — перебиваю его. — Если что-то случится, если мне будет грозить опасность, я сразу скажу тебе. Но до тех пор прошу: не вмешивайся. Если не хочешь, чтобы у меня

были проблемы... Ты просто не знаешь мою маму.

— Предполагаю, — ухмыляется он. — Я ведь знаком с тобой.

Не предполагает, к сожалению.

Все, что я рассказывала ему о себе и о матери, — сплошная ложь. Он понятия не имеет, кто я на самом деле, из какой семьи и что будет, если родители узнают о моей связи с мужчиной вдвое старше меня. С мужчиной его уровня и статуса.

— Ну раз тебе нужно улетать... — шепчет мне в губы. — Я точно не могу отпустить тебя так просто.

И я все понимаю без лишних слова. По его взгляду, тону и сгущающемуся воздуху между нами.

Давид берет меня за руку и молча ведет за собой. Через длинный коридор, вверх по ступеням, мимо картин в золоченых рамах, которые я сейчас не в силах различить. Весь мир сужается до тепла его ладони, до его уверенного шага, до предвкушения, которое все сильнее разгорается у меня внутри.

Мы останавливаемся у двери, по ту сторону которой исчезают все правила и запреты.

Остается только *он*. И то, что *он* пробуждает во мне.

И я жду, когда Давид снова откроет ее.

Глава 6

Ариана

Лондон

В алой комнате царит полумрак.

Я стою на коленях полностью обнаженная. Грубая джутовая веревка стягивает меня сложным узором в традициях шибари². Декоративная вязка, напоминающая корсет, плотно обхватывает корпус, подчеркивая каждый изгиб и переходя в жесткую конструкцию, которая фиксирует руки за спиной.

Слышу шаги. Спокойные, завораживающе размеренные. Они звучат оглушительно отчетливо в застывшей тишине. Давид не торопясь обходит меня по кругу. Я чувствую его тяжелый взгляд кожей. Затылком. Лопатками. Каждым оголенным нервом. Он молчит, затягивая паузу, рассматривает, оценивает, и в этом есть что-то невыносимо прекрасное.

— Ты выглядишь совершенно.

Его голос звучит у самого уха. По телу рассыпается дрожь. Она бежит по плечам, стекает по спине и тугим узлом стягивается под ребрами.

Гладкий кончик стека³ касается моего плеча. Он ползет в

² Шибари (яп. 縄) — это японское искусство эстетического связывания или бондажа с помощью веревок.

³ Стек — тонкая гибкая палочка с ременной петлей на конце, используемая

сторону, очерчивает линию шеи, замирает под подбородком и властно, но нежно приподнимает мое лицо.

— Смотри на меня.

Я подчиняюсь.

Это священная, неизменная часть нашего ритуала. Давид возвышается надо мной — пугающе спокойный, собранный, абсолютно уверенный. И я — добровольно отдающая ему власть. Над своим телом. Над волей. Над хаосом в моей голове.

Я никогда не думала, что именно в этом подчинении найду странный, мучительный способ *дышать*. Парадоксально, но находясь на коленях, связанная и лишённая права выбора, я становлюсь ближе к себе настоящей, чем где бы то ни было еще. Здесь не нужно держать лицо. Не нужно быть сильной, собранной, правильной. Здесь можно просто быть.

— Покорная девочка...

Плеть снова приходит в движение. Он проходит по волосам, задерживается у затылка и вызывает новую волну мурашек.

— Дыши глубже, — произносит Давид. — Ты слишком напряжена.

Закрываю глаза и делаю глубокий, неровный вдох. Стараюсь сосредоточиться на том, чему он учит меня снова и снова: принять первый импульс, идти навстречу боли, пропустить через себя острые ощущения. Полностью отпускаю

внутренний контроль в плечах, спине и животе.

— Умница.

Он бережно проводит рукой по моей щеке, затем опускается ниже и задерживает пальцы в яремной впадине, где бешено бьется пульс. Давид слегка усиливает нажим, словно проверяет, насколько глубоко я уже погрузилась в это состояние, и заставляет меня балансировать на грани легкого удушья.

— Контроль, — тихо произносит он. — Где он?

— У тебя... — выдыхаю я.

Приняв мой ответ, Давид бесшумно обходит меня и останавливается за спиной.

Стек касается моей шеи и скользит вдоль позвоночника, мучительно нежно очерчивая каждый изгиб. Он проходит между лопаток, опускается ниже, и к тому моменту, когда достигает поясницы, мои бедра сами собой чуть раздвигаются, подчиняясь первобытному инстинкту.

— Ожидание изматывает сильнее, чем само действие, не так ли?

Я не произношу ни звука. Жду.

И вдруг слышу короткий резкий свист. Удар ложится точно по ягодице. Вспышка боли тут же пронизывает тело, высекая из горла хриплый стон. Я инстинктивно дергаюсь вперед, насколько позволяют веревки, но Давид запускает руку в мои волосы и удерживает меня. Делает это без грубости, но с такой властью, что мне остается только прожить это ощу-

щение до конца.

— Прими это. Отдайся чувствам, — звучит короткий приказ.

Почти сразу за ним следует новый удар.

Он запрокидывает мою голову. Тянется к шее и нестерпимо кусает за нее, выталкивая меня за пределы реальности. В полную невесомость. А, когда разжимает зубы и успокаивающе облизывает саднящий след, меня утягивает вглубь. В сердцевину чувств, где уже невозможно солгать ни себе, ни ему.

— Ты все делаешь правильно, малышка...

Давид отпускает мои волосы и снова встает передо мной. Проводит стеклом по груди, затевая натянутые нервные окончания, и замирает прямо у соска.

Я застываю, ловя ртом воздух в невыносимом предвкушении.

— Ждешь этого?

— Безумно... — шепчу я хрипло, с трудом узнавая собственный голос.

И в следующее мгновение удар приходится чуть выше ареолы. По телу прокатывается тяжелая, изматывающая истома, и я едва удерживаюсь в сознании. Но это ощущение быстро начинает трансформироваться. Из острой и нестерпимой рези она превращается в тягучую патоку, которая растекается по венам густым жаром. Наслаждение поднимается к горлу, отзывается в висках и, добравшись до головы, вы-

тесняя все лишнее. Мысли гаснут одна за другой, уступая место чистому, оголенному чувству.

Так бывает только с ним. Только в его руках.

Давид смотрит на меня с мрачным торжеством.

— Я хочу, чтобы ты отдала мне все, что у тебя осталось.

Готова?

И следом я получаю еще один удар.

— Да... — глотая воздух, роняю я. — Готова.

На его губах появляется улыбка.

— Я еще никогда не видел, чтобы ломались так красиво.

Я упрямо выдерживаю его взгляд. Между нами повисает пауза, в которой я слышу только собственный сбившийся пульс.

Давид откладывает плеть в сторону.

— Теперь пойдем глубже, — произносит он с интригой и исчезает у меня за спиной.

Я повисаю в этом мучительном ожидании. Слышу легкий шорох, его движения, какие-то неясные звуки. Пытаюсь угадать, что он задумал, воображение подбрасывает одно предположение за другим. Однако ни за одно из них я не могу зацепиться.

По ощущениям, Давид возвращается спустя целую вечность. Подходит ко мне сзади и завязывает мне глаза шелковой лентой.

— Когда зрение исчезает, остальные органы чувств обостряются, — его голос теперь звучит иначе: будто доносится

сразу отовсюду и ниоткуда. — Теперь ты будешь ощущать все в десятки раз острее.

И он прав. Его аромат заполняет комнату. Растворяется в воздухе. Проникает в каждую клетку. В меня...

Давид подхватывает меня на руки и прижимает к себе так, словно я — нечто хрупкое и бесконечно ценное. Несет меня через комнату и укладывает на прохладную простыню. Слегка ослабляет натяжение веревок на моих запястьях, устраивая меня поудобнее, и отступает назад.

— Ты веришь мне? — проверяет он.

— Сейчас — больше, чем себе.

— Помнишь стоп-слово?

— Да. «Эскиз».

— Не забывай про него.

Я слышу, как он берет что-то со столика у изголовья. Подходит ближе. Мгновение — и ключицу обжигает первая капля расплавленного воска. Жалящая, резкая боль пронзает кожу и расходится огненными кругами от точки контакта. Накатывает так остро, что с губ вырывается истошный всхлип и я подаюсь вперед, выгибая спину.

— Дыши глубже, — тут же останавливает Давид, удерживая меня за плечо. — Не теряй себя.

Я послушно следую его совету. Чтобы вернуть контроль над телом, требуется время, и как только напряжение отпускает, внутри рождается странное, почти дикое желание ощутить это снова.

Вторая капля падает чуть выше пупка, вынуждая всю меня сжаться.

— Я здесь. Я рядом, — его низкий шепот продолжает дурманить разум. — Выдохни последние мысли. Отпусти все, что тебя держит.

Я делаю дрожащий вдох и постепенно освобождаюсь от груза. Отпускаю недогоревшие мысли, чувства, страхи. Сбрасываю чужие ожидания и фальшивые роли. Позволяю всей шелухе осыпаться слой за слоем, пока не остаюсь только я — совершенно незащитная в своей уязвимости.

Но в этой уязвимости нет ни капли унижения. Лишь колоссальное облегчение. Потому что я знаю: если прямо сейчас я рассыплюсь на осколки, Давид не даст мне исчезнуть. Он бережно соберет меня заново. Так, как умеет только он.

Когда очередная капля падает на лобок, я громко вскрикиваю. Но уже не от боли. Это совсем иное, невообразимое чувство. Оно прошивает насквозь, и темнота перед глазами на миг взрывается светом, заставляя мир вокруг дрогнуть, а реальность — окончательно раствориться по краям. Низ живота скручивает мощным спазмом, а между ног становится невыносимо влажно и горячо. Никогда прежде я не испытывала ничего столь острого и всепоглощающего.

— Умница. Ты прекрасно справляешься.

Еще один восковой след ложится ниже, у самого входа, и остатки моего рассудка окончательно тонут в этом жаре. Все. Я больше не пытаюсь отделить боль от удовольствия —

они сплывались в единую, невыносимую волну, которая за-
тапливает меня целиком, вымывая остатки сопротивления.
Возбуждение становится невыносимым. Мышцы сводит от
глубинной, изнывающей тяги, и я слышу собственный голос
будто со стороны:

— Пожалуйста...

Сама не знаю, о чем молю. Чтобы он остановился? Или
чтобы это длилось вечно?

Давид касается пальцами горячей кожи и ведет вниз, лас-
кая самые чувствительные точки в такт моим судорожным
вдохам. Тонет во влажной складке, нащупывает точку и на-
давливая на нее, вынуждая меня захлебнуться собственным
стоном.

— Не сдерживай себя. Я хочу слышать каждый звук.

Я слышу, как он откладывает что-то на стол, и уже в сле-
дующее мгновение матрас у моих ног прогибается под его
весом.

Он развязывает веревки, связывающие мои щиколотки и
разводит их в стороны, раскрывая меня перед ним.

Замирает. Я чувствую его дыхание. Близко. Невозможно
близко. Но он не двигается. Мир сужается до одной-един-
ственной точки ожидания. Мои ноги раскрываются еще ши-
ре.

Приподнимает одну ногу и, согнув ее в колене, касается
языком большого пальца. Плавно скользит выше — по внут-
ренней стороне стопы, по щиколотке, по голени, оставляя за

собой влажную, горячую дорожку. Мышцы сводит судорогой. Я выгибаюсь в паху, отчаянно требую его губ — но Давид умышленно тянет. Дразнит. Прекрасно понимает, куда я пытаюсь его направить, и намеренно обходит этот пульсирующий центр, лаская обожженную кожу вокруг. Я беспомощно извиваюсь в путах джута.

— Ты невероятная, — хрипло шепчет он прямо в мою плоть.

И в следующее мгновение его язык накрывает клитор. Медленно, с сильным нажимом, он ведет им, собирая всю мою влагу, и из груди рвется жалобный, сдавленный стон. Легкими круговыми движениями он ласкает самую чувствительную зону, затем плотно обхватывает ее губами, слегка посасывает и, чуть отстранившись, мягко дует на раскаленную кожу.

Реальность плывет. Я теряю счет времени, границы пространства и собственного тела.

А потом он снова накрывает меня ртом и начинает пожирать. Жадно, глубоко, без остатка. Влажный звук в тишине комнаты бьет по натянутым нервам, делая каждое касание еще острее, подталкивая меня к самому краю.

— Не смей кончать без разрешения, — отрезвляет Давид.

— Я не могу!

— Нет! — он жестче фиксирует бедра, и я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Я скулю от этого отказа. Оргазм стоит в миллиметре, го-

товый разорвать меня изнутри. Я сдерживаюсь из последних сил, балансируя на грани.

Но почти сразу же благодарю мужчину за этот отказ. Потому что прямо сейчас начинается что-то космическое. Он снова накрывает меня ртом, но теперь его язык двигается с бешеной скоростью, а два пальца вонзаются глубоко внутрь — резко, без предупреждения, разрывая меня этим двойным напором. Он трахает меня пальцами, одновременно высасывая клитор, выбивая из легких последние капли воздуха.

Этот сумасшедший, грязный ритм движений уносит меня к звездам, в невесомость, в абсолютное ничто. Сердце заходится так, что я слышу его стук во всем теле.

— Кончай, — наконец рычит он.

Этого хлесткого приказа достаточно. Мир взрывается и схлопывается в одну точку. Мощный, сокрушительный разряд накрывает с головой. Я срываюсь на крик, выгибаясь всем корпусом, содрогаясь в конвульсиях и полностью теряя связь с землей.

Но Давид не останавливается. Его язык и пальцы все еще внутри. Он заставляет меня прожить каждый прилив до последней капли. Волны накатывают одна за другой: то затихают, позволяя сделать глоток воздуха, то обрушиваются с новой, уничтожающей силой.

Он выпивает меня до дна, пока я окончательно, обессиленно не падаю на кровать.

Я прихожу в себя только тогда, когда он осторожно сни-

мает повязку с глаз. Смотрю в его глаза и вдруг отчетливо понимаю — то, что происходит между нами, уже невозможно будет забыть, стереть, вычеркнуть из памяти.

Для меня это не просто страсть. Это — внутренний излом. Новая точка отсчета. Изнанка запредельной, пугающей близости, после которой уже невозможно остаться прежней.

Глава 7

Ариана

Москва

Выхожу из самолета. Свежий утренний воздух обдает лицо легким ветром. Я делаю глубокий вдох, радуясь окончанию долгого полета, а затем оглядываюсь по сторонам. До сих пор не верю, что прилетела в эту страну.

В двадцати метрах от меня, прямо у трапа, стоит кортеж из семи матово-черных бронированных машин, выстроившихся идеальной шеренгой. Из центрального Кадиллака выходит Демид, лучший друг отца, и направляется в мою сторону. Поняв, что он один, я разочарованно вздыхаю. Но быстро беру себя в руки и спускаюсь по ступеням, уверенно держа голову.

Я надеялась, что за мной приедет папа.

Пограничник проверяет паспорт. Ставит штамп, кивает и пропускает меня вперед. Еще два шага, и я останавливаюсь напротив дяди.

— Здравствуй, мини-босс, — он расплывается в доброй улыбке и крепко обнимает меня.

— Рада видеть тебя, — я утыкаюсь носом в его плечо, искренне отвечая на приветствие.

— Не верится, что встречаю тебя в России.

А мне-то как не верится. Я уже и не помню, когда в по-

следний раз была в России. Эта страна, как и мое настоящее имя, стала для меня редким, почти исчезающим артефактом.

— Демид, — раздается за спиной голос Бориса.

Я отступаю в сторону, давая мужчинам возможность обменяться рукопожатиями.

— Как все прошло? Были проблемы? — уточняет дядя.

— Все спокойно. Никакой слежки и препятствий.

Демид удовлетворенно кивает, а после указывает рукой на вереницу автомобилей:

— Ваша — вторая.

Борис и другие телохранители направляются к Кадиллаку с моими сумками и чемоданами. Я смотрю им вслед и невольно усмехаюсь.

— Чувствую себя дочерью президента. Мало того, что охрану усилили, так еще и кортеж пригнали прямо к трапу.

— Отец заботится о твоей безопасности, — Демид мягко кладет ладонь мне на спину и ведет к автомобилю, где нас уже ждут с распахнутыми дверцами.

— А где он сам? Почему не приехал?

— Они с твоей матерью прилетели два часа назад. Сейчас Роланд проверяет каждый куст во дворе. Не доверяет даже лебедям в пруду.

Уверена, дядя даже не преувеличивает.

Скользнув на заднее сиденье, я наблюдаю, как он устраивается рядом с водителем и, достав рацию, отдает команду:

— Выезжаем.

Семь внедорожников одновременно трогаются с места, и мы покидаем территорию аэропорта.

Я устало прислоняюсь виском к прохладному стеклу. Силы на исходе. И это неудивительно. Трое суток без нормального сна: Лондон — Калифорния — Москва. Смена самолетов, документов, часовых поясов сказывается на моем состоянии. Но дело не только в физической усталости. Чуть глубже. В том, что я оставила там, в Лондоне.

И в том, что снова могу все потерять.

Чуть приоткрываю окно и наблюдаю, как мимо проплывает чужая, незнакомая и такая желанная Москва. Высотки, мосты, пустые утренние проспекты. Я жадно впитываю каждую деталь, будто впервые вижу мир. Меня всегда тянуло сюда, и с каждым годом эта тяга становится только острее.

И вот я здесь. Но радости нет. Потому что понимаю — это временное удовольствие. перевалочный пункт, который никогда не станет домом. Но по паршивой иронии судьбы именно этот город я упрямо считаю своим родным.

Восемнадцать лет назад мои родители приняли решение спрятать меня от криминального мира и подарить «нормальную и безопасную» жизнь. С тех пор мы с мамой живем под вымышленными именами и фамилиями, иногда меняя города и страны. Дважды в год, полностью отключаясь от внешнего мира и любых средств связи, мы улетаем на закрытый остров, где вдали от чужих глаз проводим месяц-два с папой и другими членами семьи.

Когда я была младше, мама всегда отходила в сторону на этот период и передавала ответственность за мое воспитание отцу. Папа учил меня драться, стрелять, играть в шахматы. Мы проводили много времени вместе, играя, читая, изучая. А по вечерам он рассказывал сказки, которые сам сочинял.

В этих сказках принцессы всегда спасали себя сами.

Сейчас я стала взрослой, и наши встречи стали такими же «взрослыми». Папа разговаривает со мной, как с равной. Мы реже играем в настольные игры, рисуем и танцуем, все больше обсуждаем искусство, мировую политику и бизнес. Теперь я всегда держу лицо, образ, мысли под контролем. Потому что не хочу, чтобы он даже на секунду допустил мысль, что я не соответствую его фамилии.

Но иногда, в такие дни, как сегодня, мне хочется свернуться в клубок, зарыться в его объятия и без страха, как в пять лет, сказать: «Папочка, я так сильно устала. Возьми на ручки. А еще, знаешь... кажется, я влюбилась».

Проклятье...

Натягиваю рукава толстовки до самых кончиков пальцев. Прячу следы прощания с Давидом и бросаю короткий взгляд на сиденье, где лежит телефон с неп прочитанным сообщением от него.

Я не открываю его. Боюсь, что, если прочту, не смогу выйти из машины и сорвусь в Лондон.

Да, я определенно схожу с ума.

За окном высотки постепенно сменяются аккуратными

частными домами, которые растворяются в густой зелени леса. Автомобили въезжают на территорию коттеджного поселка. Узкая асфальтированная дорога ведет к массивным кованым воротам, которые распахиваются, пропуская нас внутрь. По обе стороны от подъездной аллеи тянутся безупречно подстриженный газон, на котором через каждые десять метров неподвижно стоит охрана.

Машины останавливаются у подножия парадной лестницы, ведущей к входной двери.

И я вижу *его*.

Папа стоит в простых черных спортивных штанах и футболке, спрятав руки в карманы, и наблюдает за нашим прибытием с сосредоточенной властью.

Когда двигатели глушатся, водитель спешит открыть мне дверь. Я выхожу из салона и останавливаюсь. Хочу броситься к отцу, как в детстве. Прыгнуть на него, обвить шею руками, повиснуть. Но я стою. Держу спину. И жду.

Он сам подходит. Сам обнимает. И только оказавшись в его руках, я выдыхаю с облегчением.

Я дома. Я в покое.

— Привет, моя жизнь, — он прижимает меня к своей груди и касается губами макушки. — Как долетела?

— Как всегда, — отвечаю коротко, не вдаваясь в подробности.

Он и так знает о моей аэрофобии и хронической бессоннице в облаках.

Я прижимаюсь к нему еще крепче, с идиотским страхом, что этот момент сейчас оборвется и он меня отпустит. Но папа лишь плотнее смыкает объятия.

— Я так по тебе соскучился, родная!

— И я! Безумно!

Я слегка отстраняюсь и разглядываю его с неподдельным восторгом и любовью.

— Ты чего такой красивый?

Он отрастил короткую, аккуратную бородку, а волосы, наоборот, сбрил почти под ноль.

— Приходится соответствовать твоей матери, — он улыбается той редкой теплой улыбкой, которая преображает его строгое лицо.

— Тогда тебе еще стараться и стараться, — раздается знакомый голос сбоку.

Я оборачиваюсь и вижу маму, которая стоит на ступенях. На каблуках, с укладкой, в темно-зеленом брючном костюме с жилеткой. Даже в шесть утра выглядит шикарно.

Я отпускаю папу, делаю несколько шагов навстречу и буквально ныряю в ее объятия.

— Как же я по тебе соскучилась, дочь, — шепчет она, прижимая меня к себе.

— Я тоже. Очень.

Закрываю глаза, жадно вдыхая знакомый аромат парфюма. Я даже не подозревала, что способна так сильно скучать по ней. Эти несколько недель стали самым долгим временем

нашей разлуки.

— Ты, наверное, не спала и устала с дороги?

— О да. Хочу принять ванну и немного поспать, — признаюсь я и бросаю короткий взгляд на отца. — Надеюсь, у меня есть на это время?

— Конечно. Твоя спальня уже готова.

— Роланд, ты нам нужен, — обращается Демид, стоящий с двумя другими охранниками поодаль от нас.

— Медея, проводишь? — тут же переключается папа, возвращая себе сосредоточенный, деловой вид.

— Да, конечно.

Он подходит ко мне и снова целует в висок.

— До встречи, радость. Поговорим за ужином.

— До встречи, пап, — мягко улыбаюсь ему на прощание.

Он разворачивается и уходит, оставляя нас с мамой вдвоем. Я бегло оцениваю количество телохранителей по периметру. И боюсь представить, какой купол безопасности он возведет над этим домом, когда я расскажу ему про попытку похищения...

Мы поднимаемся с мамой по ступеням и входим внутрь.

Здесь пахнет моим детством: свежесрезанными цветами в вазах, восточными пряностями с кухни и деревом, прогретым солнцем. Я вдыхаю эти запахи и чувствую, как отступает напряжение. Не до конца, но дышать становится ощутимо легче.

Мы направляемся к широкой мраморной лестнице. По

пути нас приветствует целая вереница домработниц, и я понимаю, что их слишком много для обычного дня. Каждая встречает меня словами: «С возвращением, Ариана Роландовна». И я еле сдерживаюсь, чтобы удержать лицо и не расплыться в улыбке от радости.

Это звучит непривычно, но настолько правильно.

— Почему так много персонала в доме? — обращаюсь к маме.

— Готовятся ко дню рождения твоего отца.

— Папа будет отмечать его здесь? — не скрываю удивления. — Разве вы не планировали отметить его юбилей вдвоем, подальше от всех?

— Да, мы так и планировали. Но обстоятельства изменились и праздник состоится на выходных.

— И мы будем присутствовать на нем?

— Сар... Ариана, — исправляется мама, едва не назвав меня фальшивым именем. — Я пока не знаю. Папа чуть позже все объяснит, а пока тебе необходимо отдохнуть.

Я хмурю брови. Что могло заставить отца изменить собственные планы? Еще и настолько кардинально, вызвав нас с мамой в страну, в которую нам была закрыта дорога почти два десятка лет. Это не в его природе.

Мозг отказывается сейчас это анализировать. Сначала мне нужно выспаться, а потом уже во всем разбираться.

Мы поднимаемся на второй этаж, и мама ведет меня по длинному коридору. Я помню его. Помню каждый портрет

на стене — прадед, дед, отец в молодости. Помню каждый завиток на потолке. В детстве я ложилась поперек прохода и считала их.

Дойдя до нужной двери, мама открывает ее и пропускает меня вперед. Я переступаю порог и оказываюсь в просторной спальне, где царит идеальный порядок. Все выдержано в моих любимых темных, успокаивающих тонах. Каждая деталь — от картин до ароматической свечи на прикроватной тумбе — продумана до мелочей.

Я осматриваюсь и оцениваю каждый угол. Касаюсь кончиками пальцев поверхностей, до сих пор не веря, что все по-настоящему и я здесь.

— Расскажешь, у какого парня ты была? — настороженно уточняет мама, прикрыв дверь.

Я усмехаюсь. Знала, что она не оставит это без внимания. Поворачиваю к ней голову.

— Да так, познакомилась с ним на выставке, — вру я, а внутри снова расплзается мерзкое, тошнотворное чувство.

— У тебя аж глаза заблестели, когда ты его вспомнила.

Данный факт нисколько меня не радует. Терпеть не могу, когда собственное тело так предательски выдает эмоции, которые я изо всех сил пытаюсь задушить.

Меня не должно так накрывать от одной только мысли об этом «парне».

Не должно.

Но накрывает...

— И как его зовут? Откуда он?

— Джейсон. С моего факультета искусствоведения. Выпустился пару лет назад, — на автомате выдаю я.

Перед мамой я всегда могу быть откровенной. Она знает обо всех моих парнях. Я рассказывала ей о первом неловком поцелуе в кинотеатре, о восторге и боли первого секса, о горьком вкусе разочарований. Расскажи я ей сейчас во всех подробностях об этом новом, опаляющем опыте с Давидом, она бы не стала читать мораль. Она бы поняла меня, как всегда. Если бы не одно жирное, непреодолимое «НО».

У моей мамы есть два правила: никаких взрослых мужчин и никакого криминала.

А с Давидом я сорвала джекпот. Ему пятьдесят лет. И я на сто процентов уверена, что он тесно связан с тем миром, от которого родители меня прячут.

Информация, которую я сумела о нем найти, конечно, рисует образ респектабельного бизнесмена, владельца сети престижных арт-галерей в Москве, Петербурге, Лондоне и Париже. Но ведь и мой отец на бумаге — образец законопослушного гражданина. И поскольку мама с пристрастием проверяет каждого парня, появляющегося в моей жизни, я принимаю единственно верное решение — врать.

— У вас все серьезно? — мягко спрашивает она, возвращая меня в реальность.

— Наверяд ли у меня может быть что-то серьезное.

— Не говори так, Ариана.

— Что не говорить? Правду? — резко бросаю я.

— Это неправда. У тебя все может быть. И любовь, и серьезные отношения.

Я горько усмехаюсь.

— Мам, все хорошо. Мне не нужно ничего из этого. Меня абсолютно все устраивает.

Нет. Все плохо. Меня ничего больше не устраивает. Мне надоела моя насквозь фальшивая жизнь, где нет ничего настоящего.

Я отворачиваюсь, разрывая зрительный контакт, и делаю несколько медленных шагов по комнате. Даю понять, что не хочу продолжать этот разговор.

— Я пойду, — тихо произносит мама. — Отдыхай, набирайся сил. Ванная уже готова.

— Спасибо, — я поворачиваюсь к ней и дарю ей улыбку.

Я благодарна ей не только за заботу, но и за такт. Она никогда не пытается залезть мне в душу без моего разрешения. Тонко чувствует, когда нужно отступить и оставить меня наедине с собственными мыслями.

Она выходит, оставляя меня одну. Я еще раз медленно обвожу взглядом свою спальню и направляюсь в личную ванную. Воздух здесь пропитан ароматом лаванды. Мама точно знает, что нужно, чтобы восстановить мои силы после изматывающего перелета.

Я скидываю с себя одежду и погружаюсь в горячую воду, которая тут же обволакивает уставшее тело и помогает мыш-

цам расслабиться. Я откидываю голову назад на прохладный бортик и устремляю взгляд в огромное окно с видом на задний двор.

Наблюдаю, как три садовника подрезают живую изгородь лабиринта.

«Лабиринт Лайлы» — так мама всегда его называла. По рассказам, отец создал его много лет назад для своей любимой сестры. Я до сих пор помню, как бегала по этим зеленым коридорам, пряталась, смеясь в голос, а потом выбегала на поляну и бежала к ротонде, где стоял старый рояль с видом на водопад. Сиделась напротив, болтая ногами и ждала, когда Лайла меня найдет. Она появлялась почти сразу, улыбалась и начинала играть. До сих пор помню, как звук вплетались в шум воды, и я замороженно наблюдала за тетей. Наверное, моя любовь к искусству начала крепнуть именно в тот момент.

Искусство...

Я закрываю глаза, и передо мной снова *его*лицо. В ушах — *его*голос. На теле — *его*запах. Я мотаю головой, пытаюсь вытряхнуть наваждение, но оно не уходит.

Давид застрял во мне, как инфекция. Как вирус, который уже активировал свою разрушительную силу, а я даже не заметила момента заражения.

Это безумие.

Сорвавшись, я тянусь к телефону и все же открываю сообщение от него.

Давид: «Ты забыла у меня свои трусики».

Расплываюсь в улыбке.

Я: «Не забыла. Намерено оставила, чтобы был повод еще встретиться;)»

Давид: «Тебе не нужны поводы для этого. Просто напиши».

Я: «В Париже намечается выставка через неделю. Буду рада, если составишь компанию».

Давид: «У меня появились дела, буду отсутствовать в Лондоне какое-то время. Но, как только вернусь, наберу тебе».

Я: «Буду ждать тебя».

Давид: «Польщен твоей верностью, аферистка!»

Я: «Забудешь тут, когда все тело как изрисованный тобой холст;)»

Давид: «Ахахаха получается, я своеобразный художник?»

Я: «Получается, что так. Можно создать выставку: «Искусство близости. Давид Дугаев» и фотографии женских тел после секса с тобой».

Давид: «Заманчивое предложение. Назначу тебя куратором».

Я: «Имей ввиду, потом я сожгу все фотографии, кроме своих!»

Давид: «Ревнивица?»

Я: «Собственница!»

Давид: «Будоражит!»

Я: «Жду нашей встречи!»

Давид: «Я позвоню!»

Откладываю телефон в сторону и лишь сейчас осознаю, что все это время глупо улыбалась.

Идиотка...

Я вновь смотрю в окно и замечаю на заднем дворе отца, к которому подходит мама. Они начинают о чем-то спорить. Из-за расстояния я не могу разобрать слов, но язык их тел достаточно красноречив. Мама напряжена и даже зла. Конфликт явно нарастает: папа пытается ее успокоить, но у него ничего не выходит. В итоге мама резко разворачивается и быстрым шагом направляется к дому. Отец после секундной паузы следует за ней.

Заинтригованная, я тут же выбираюсь из воды. На ходу вытираюсь полотенцем, накидываю халат и пулей вылетаю в коридор.

Снизу доносится четкий, сердитый цокот маминых каблучков и не менее тяжелые шаги отца, которые вскоре затихают где-то в глубине дома. Я почти бегом спускаюсь по лестнице и натываюсь на горничную. Тихо спрашиваю, куда прошли родители. Девушка указывает рукой направо, и я мгновенно понимаю, где их искать.

Пока иду по узкому проходу, мысленно восстанавливаю план первого этажа: библиотека, гостиная с камином, игровая комната, поворот и вот передо кабинет отца. Не сомневаюсь, что родители находятся там.

Затаив дыхание, я подкрадываюсь к двери и приоткрываю

ее на сантиметр. Спор внутри не утихает, значит, мое появление осталось незамеченным. Я замираю и прислушиваюсь:
— ... не смей впутывать ее в это! — звенит голос мамы от злости.

Я никогда не слышала, чтобы она говорила с папой в таком тоне.

— Любимая, послушай...

— Нет, не хочу я ничего слушать! — перебивает она. — Это не обсуждается, Ханукаев! Ты спятил?! Ты правда хочешь такой жизни для своей дочери?!

— Я желаю вам только лучшего. Я всего лишь предложу Ариане. Никакого принуждения.

— О да, знаю я твое «предложу»! Просьба, от которой невозможно отказаться! Мы это уже проходили!

«Мы это уже проходили». Что — «это»? Когда? Почему я ничего не знаю?

— Хочешь сказать, что я не считаюсь с вашим мнением и заставляю вас жить так, как вы не хотите?

— Нет. Я не это хочу сказать.

— Тогда, о чем ты? — с трудом сдерживает раздражение отец. — Я делаю все, чтобы вы ни в чем не нуждались.

— И поэтому привез нас сюда? Решил устроить шоу, чтобы нас снова сожрали волки? Разве мало я потеряла?! Ты хочешь, чтобы я лишилась вообще всего?!

Ее голос срывается на последних словах. Я ежусь от пробежавшего по коже холода.

— Я потерял вместе с тобой, Медея! — цедит папа сквозь зубы. — Не «ты», а «мы» потеряли!

— Я не хочу потерять еще и Ариану. Понимаешь?

— Прекрасно понимаю. И я не позволю этому случиться. Но сейчас вы должны быть рядом.

— Роланд, пожалуйста... Давай мы с ней снова переедем? Приставь к нам больше охраны. Я готова на что угодно, только не на то, что ты задумал.

Холод внутри мгновенно сменяется огнем. Мое тело начинает гореть заживо от подступившей злости.

Я не хочу бежать. Мне надоело это. Надоело просыпаться в чужих квартирах, отвечать на чужие имена, носить чужой цвет глаз и волос. Надоело, что моя жизнь — это бесконечная череда побегов. Что все мои привязанности имеют срок годности.

И сейчас, когда отец предлагает что-то, что возможно изменит порядок вещей, мама хочет снова меня спрятать? Она издевается?!

Не раздумывая, я толкаю дверь настежь и вхожу в кабинет, боясь, что мамина истерика сумеет переубедить отца. Родители вздрагивают и одновременно поворачиваются ко мне. Я встаю прямо напротив них и смотрю исключительно на отца, демонстративно игнорируя маму.

— Что происходит? Что ты хотел предложить мне?

Повисает пара секунд тишины.

— Давай ты сначала отдохнешь, а за ужином мы все об-

судим.

— Я готова выслушать тебя прямо сейчас, — я упрямо скрещиваю руки на груди.

— Роланд, нет! Не смей! — мама смотрит предостерегающе на отца.

Видимо, боится, что я могу согласиться на его предложение.

Но папа не обращает на ее протесты никакого внимания. Он смотрит в мои глаза, что-то напряженно анализируя, а в следующее мгновение просто оглушает меня:

— Я хочу, чтобы ты вышла замуж за сына моего друга.

У меня в мозгу происходит короткое замыкание, после которого мир слегка сдвигается с привычной оси. Я стою посреди кабинета и глупо моргаю, пытаюсь понять, не шутит ли он. Мне казалось, что подобное осталось в прошлом веке или на страницах романов, но не в нашей современной жизни.

Но мой отец умеет удивлять...

— Ты хочешь, чтобы я вышла замуж за Лео? — уточняю спокойно, когда ко мне возвращается дар речи.

Дядя Демид — единственный, кого папа удостоивает званием друга. А Лео — его сын. Поэтому напрашивается логичный вывод.

— Нет, не за него.

Я снова замолкаю, прокручивая в голове всех людей из его окружения. И не могу вспомнить никого.

— Ариана, ты не обязана, слышишь? — мама вступает в

разговор, подаваясь вперед. Я слышу, как дрожит ее голос.

— Я знаю, мам, — отвечаю, не сводя глаз с отца. — Если не Лео, то кто?

— Пока не могу назвать имя. Служба безопасности еще не закончила проверку дома и персонала на прослушку.

Я с трудом сдерживаю нервный смешок. Двойной перелет, дикий джетлаг, недосып и фирменная папина паранойя, доведенная до абсолюта. Поистине «доброе утро».

— Зачем тебе это нужно? — я скрещиваю руки на груди.

— Слияние двух сильных фамилий. И официальное заявление для всех: любая попытка покушения на членов одной семьи — это автоматическое объявление войны обеим.

Воздух в кабинете мгновенно тяжелеет. Знакомое с детства чувство сковывает грудную клетку.

— Мы снова в опасности? — выдыхаю я, заранее зная ответ.

— Да.

Мои опасения подтверждаются. Если мы в опасности — это значит одно: нам предстоит очередная «ликвидация» личностей. Снова придется стереть себя в порошок, чтобы стать кем-то другим. Похоронить эту жизнь. Попрощаться со знакомыми, устоявшимися привычками, уютным кафе за углом и утренними пробежками в любимом парке.

Все обнулится и начнется заново.

Вечный круг, из которого, казалось, нет выхода.

— Человек, которого я засадил за решетку двадцать лет

назад, вышел на свободу, — продолжает папа. — До нас дошли достоверные слухи, что он намерен мстить.

Внутри все сжимается. Я снова вспоминаю недавнюю попытку похищения. Теперь очевидно, что это не просто совпадение. Нужно срочно рассказать об инциденте отцу, но только когда мы останемся наедине. Если обмолвлюсь сейчас, при маме, у нее случится жесточайшая истерика. После чего она сама выкрадет меня, запрет в бункере, а ключи спрячет даже от себя.

— Получается... если я соглашусь на этот брак, мы с мамой сможем остаться? Будем жить здесь, под своими настоящими именами?

— Да.

Такой короткий и простой ответ. Но он меняет ход всех моих мыслей и решений.

— Я его знаю? — отбросив эмоции, перехожу к сухим техническим деталям. — Сколько ему лет? Он образован? Хорошо воспитан?

— Нет, ты его не знаешь. Ему двадцать девять лет. Выпускник Высшей школы экономики. А что касается воспитания... Ты действительно думаешь, что я бы рассматривал человека в качестве мужа для своей единственной дочери, будь он невежественным кретином?

Логично. Восемнадцать лет он берег меня, как величайшую драгоценность, сдувал пылинки, вкладывал в мое образование целое состояние — и все ради того, чтобы вручить

первому встречному болвану? Нет, это не в стиле Ханукаева. Стало быть, этот загадочный, безымянный парень действительно чего-то стоит. По крайней мере, по меркам моего отца.

Я опускаю руки и расправляю плечи.

— Хорошо, — произношу твердо.

— Хорошо — что? — прищуривается отец.

— Ариана, милая, послушай! Ты не обязана соглашаться на весь этот фарс! — в отчаянии восклицает мама, хватая меня за руку. — Папа просто рассматривает это как один из возможных вариантов!

Она сжимает мои пальцы. Она слишком хорошо знает, что для меня значит отец. И, видимо, думает, что я приношу себя в жертву исключительно из слепого желания угодить ему.

Да только в этот раз я хочу угодить в первую очередь самой себе.

И наконец получить то, чего так отчаянно жажду всю сознательную жизнь...

Глава 8

Ариана

Москва

«Сегодня ночью хочу видеть тебя в этом в своей спальне!» — вспыхнувшее на экране сообщение от Давида дразнит воображение.

Губы растягиваются в предательской улыбке. Еще утром, разбирая чемодан, я наткнулась на черный кружевной корсет и стринги, которые купила специально для встречи с Дугаевым. Комплект идеально подошел под мой сегодняшний образ с широким пиджаком и мини-юбкой. Покрутившись тогда перед зеркалом, я сорвалась: надела парик, цветные линзы, встала на каблуки и, сделав несколько откровенных снимков, отправила их ему со словами: «Ты так и не увидел это на мне. Исправляю ситуацию».

Осознание масштаба собственной глупости пришло, лишь когда палец нажал кнопку отправки. Я грубо нарушила данное себе обещание держаться от него подальше, пока не пройдет сегодняшняя встреча, которая, возможно, навсегда изменит мою жизнь.

Прежде чем согласиться на брак с незнакомцем, я решила познакомиться с ним. Поговорить без свидетелей и понять, какой он. Я доверяю отцу, но жить с этим человеком предстоит мне. А значит, именно я должна убедиться, что он дей-

ствительно достойный.

Хотя после Давида Дугаева я сомневаюсь, что вообще найдется мужчина, способный впечатлить меня.

Если бы я допускала хотя бы крошечную возможность, что у нас с Давидом есть будущее, я бы рискнула всем. Рассказала бы родителям о нем. Ему — о себе настоящей. Сняла бы маски и перестала лгать. Но я не дура и прекрасно понимаю: будущего у нас нет. Есть только короткая, ослепительно яркая, обреченная история.

И да, я не хочу терять даже ее. Не хочу исчезать из его жизни, не хочу, чтобы он забыл меня. Потому что сама я его уже не забуду. Но и шанс, которого я ждала так долго, упускать не готова.

Как бы сильно меня ни тянуло к Дугаеву, сколько бы невозможных эмоций он ни вызывал и как бы отчаянно я ни хотела сейчас оказаться в его руках, я понимаю главное: он никогда не сможет дать мне то, в чем я нуждаюсь больше всего.

Подавив вздох, я снова открываю чат и печатаю текст:

Я: «К сожалению, сегодня ночью я могу прийти к тебе только во сне...»

Понимаю, что просто искусственно растягиваю наше общение. Но ничего не могу поделать с внутренними порывами...

Давид: «Ты девочка способная и можешь все. Диктуй, откуда бронировать билет ко мне».

Я: «Я в Москве, с мамой. Скоро вступаю в права наследства, поэтому пока не могу вырваться. Сам понимаешь... сейчас не самое безопасное время для меня».

Выдаю нечто среднее между правдой и ложью.

Говорят, перед смертью не надышишься. Вот и я перед возможным окончательным расставанием никак не могу им насытиться и продолжаю наш диалог.

Давид: «Какое прекрасное совпадение. Я тоже здесь. Постарайся сбежать от надзора матери сегодня ночью. Или выкраду насильно».

Я цепенею. Мысль о том, что он в одном городе со мной, совсем рядом и я действительно могла бы провести эту ночь в его объятиях, лишает рассудка.

Мир вокруг сжимается до размеров светящегося дисплея. Я цепенею. Дыхание перехватывает, а в висках начинает бешено пульсировать кровь.

Не знаю, сколько времени я сверлю взглядом экран, забывая дышать, но чат снова оживает:

Давид: «Я забронировал для нас съют в Метрополе. 22:30. До встречи, зеленоглазка».

Зеленоглазка...

— Подъезжаем, — голос отца выдергивает меня из переписки, возвращая в салон автомобиля.

Поднимаю голову. Папа сидит напротив. Его тяжелый, сканирующий взгляд медленно скользит по мне, оценивая каждую деталь.

Мама осталась дома. Формально — чтобы проконтролировать подготовку к празднику, который состоится уже послезавтра. Но я-то знаю настоящую причину ее отказа ехать с нами. Она категорически против сделки, на которую я почти согласилась.

— Волнуешься? — спрашивает аккуратно.

— Я? Нисколько. А ты?

Он едва заметно усмехается.

— Немного.

— Я тебя не опозорю, не переживай, — спешу его успокоить и прячу телефон в сумку.

Давиду я отвечу позже... И что именно я ему напишу, будет напрямую зависеть от исхода встречи.

— Об этом я даже не думаю, дочь. Ты моя гордость.

От этого признания внутри поднимается глупая, детская радость.

— Тогда из-за чего ты переживаешь?

— Сложно осознать, что ты выросла.

Еще сложнее было расти без тебя, папа.

— Не переживай, — я натягиваю улыбку, стараясь не замечать болезненного укола под ребрами. — Может, этот парень мне вообще не понравится, и я сбегу с мамой обратно за океан. Снова стану вашей маленькой девочкой.

Я пытаюсь пошутить, но по телу проползает неприятная дрожь. Сидя рядом с ним, чувствуя на себе его теплый взгляд, я ощущаю, как все лишнее отступает. Смывается ли-

хорадочный бред от переписки с Дугаевым. Остается только одна-единственная надежда: чтобы мое представление о достойном мужчине совпало с отцовским. Чтобы тот, с кем меня хотят связать, сумел хотя бы на йоту затмить Давида. Чтобы я смогла сказать «да». Смогла остаться здесь, в России. Смогла вернуть себе украденное имя и полноценную семью.

Выиграть шанс снова стать собой.

Наш кортеж въезжает в распахивающиеся ворота. За ними открывается территория, вылизанная до совершенства. Чуть дальше возвышается особняк, за которым торчат кроны густых и высоких деревьев.

Машины синхронно останавливаются. Отец выходит первым, обходит кузов и открывает мне дверь.

— Готова? — подает мне руку.

— Всегда готова, — отвечаю уверенно и, вложив ладонь в его, выбираюсь из салона.

Вру ему. И себе тоже.

Папа слегка сжимает ее в знак поддержки, а после накрывает губами. И этот редкий жест отцовской нежности мгновенно согревает меня изнутри.

— Роланд, — раздается мужской голос у меня за спиной.

— Тимур, — отзывается отец. В его глазах мелькает редкая смесь глубокого уважения и того самого тепла, с которым он обычно смотрит только на меня.

Папа всегда мечтал о сыне...

Я неспешно оборачиваюсь, чтобы посмотреть на того, кто,

по мнению отца, достоин моей руки. Не тороплюсь, потому что боюсь разочароваться. Боюсь увидеть выхолощенного наследника в дорогом костюме. Но страх разбивается вдребезги, как только мой взгляд встречает его.

Он выглядит совсем не так, как я ожидала. Высокий, под метр девяносто, с телом, которое даже через мешковатый лонгслив и спортивные штаны кричит о дисциплине и ежедневных тренировках. Когда Тимур подходит ближе, я замечаю темный, сложный узор на шее, выглядывающий из белого ворота. Я испытываю удовлетворение от увиденного.

У моего папы определенно отличный вкус.

Теперь осталось дело за самым важным — чтобы, когда он открыл рот, это удовлетворение не испарилось.

— Здравствуй, — парень подходит к отцу. Они пожимают друг другу руки, а затем обнимаются. — С возвращением.

— Привет, дорогой.

Они размыкают объятия, и кареглазое обаяние переводит на меня свой взгляд. Сконцентрированный и полный живого интереса. Он не скрывает, что изучает меня, но делает это сдержанно и уважительно.

— Тимур, моя дочь, Ариана, — представляет меня отец.

— Приятно познакомиться, — он дарит мне вежливую короткую улыбку и протягивает руку.

— Взаимно, Тимур, — я вкладываю свою ладонь в его.

Рукопожатие получается коротким и деловым, без попытки задержать контакт. Никаких галантных поцелуев, ника-

го наигранного рыцарства. Либо он презирает эти светские ритуалы, либо его интуиция безошибочно подсказывает, что перед моим отцом лучше держать дистанцию и не давать ему ни малейшего повода для волнений.

Мне нравятся оба варианта.

— Вы выглядите потрясающе, — замечает он, и его взгляд скользит по моему пиджаку, юбке и мюли. — Мне теперь неловко за свой вид.

— Вы выглядите как человек, которому комфортно в своем доме, — отмечаю я, давая понять, что не вижу в его неформальности ничего предосудительного.

— Твой отец приехал? — оценив нашу первую реакцию друг на друга, уточняет папа у Тимура.

— Да. Он ждет тебя в кабинете.

Отец поворачивает голову ко мне:

— Мне нужно будет отойти.

— Хорошо, не проблема.

— Я позабочусь об Ариане, не переживай.

— Будь так добр.

Папа разворачивается и уходит в дом. Тимур провожает его взглядом, а после переключается на меня.

— Ты голодна? — с легкостью переходит на «ты», сбивая официальность с нашей встречи.

— Я завтракала. Но не откажусь от крепкого кофе.

— Тогда прошу, — жестом руки приглашает меня пройти за дом.

Мы идем по мощеной дорожке, огибая здание. Воздух еще влажный и прохладный. От земли тянет свежестью, а где-то вдалеке слышно пение птиц.

За домом открывается просторный двор. Безупречный изумрудный газон, огромный бассейн и подстриженные по линейке кусты, между которыми извивается дорожка, ведущая к лесной чаще. Под раскидистым старым деревом стоит стол, накрытый на четверых: белоснежная скатерть, отполированные до зеркального блеска серебряные приборы. Безупречная простота.

— У тебя красивый дом, — делаю комплимент, оглядывая пространство.

— Это дом моего отца, — спокойно поправляет Тимур.
— В своем я редко принимаю гостей.

— А мама...? — аккуратно прошупываю я.

— Мама умерла в автокатастрофе еще восемнадцать лет назад.

— Соболезную.

Он молча принимает мои слова, коротко склонив голову, затем подводит меня к столу, отодвигает стул и помогает сесть. Сам садится напротив и тут же встречает взглядом женщину в белом фартуке, которая бесшумно появилась рядом.

— Мария, сварите нам с гостьей крепкий кофе, который я привез из Кении.

— Хорошо, — кивает она и скрывается в доме.

— Бывал в Кении? — интересуюсь я, когда мы остаемся наедине.

— Не раз. А ты?

— Пока нет, но хочу однажды побывать.

— Много путешествуешь?

— Нет. Когда вся жизнь — череда переездов, путешествия перестают приносить удовольствие. Я предпочитаю точечные вылазки ради чего-то по-настоящему стоящего.

— Например?

— Северное сияние. Концерт классики в амфитеатре Вероны, Петра на закате или пустыня Намиб ночью. И та самая Великая миграция в Африке, ради которой я готова сесть в самолет и пересечь континент.

— Видел Петру и северное сияние в Норвегии. Это и в самом деле стоит внимания каждого.

— А ты? Часто путешествуешь?

— В основном по работе. Редко ради удовольствия.

Я понимающе улыбаюсь. Тишина ложится между нами, но мы не сводим глаз друг с друга. Тимур спокойно изучает меня, как обычно изучают потенциального партнера на переговорах. Я делаю то же самое. И не чувствую никакой неловкости или напряжения.

— Правильно ли я понимаю: раз ты здесь и захотела встретиться лично, сама идея фиктивного брака тебя не пугает? — уточняет он.

— Брак по любви пугает меня куда больше, — иронично

замечаю я. — Но, прежде чем дать согласие, я хотела увидеть тебя своими глазами. Вдруг у нас с отцом кардинально разное восприятие «достойного мужчины».

— И какое твое первое впечатление?

— Визуально — исключительно положительное. Выйти с тобой в свет точно будет не стыдно.

Уголок его губ дергается вверх. Тимур откидывается на спинку стула, принимая расслабленную позу, но его взгляд становится более проницательным.

— На что ты рассчитываешь в этом браке? — отбросив церемонии, я сразу перехожу к самому важному.

— Ровно на то же, на что и твой отец. Этот альянс откроет нашей семье доступ к тем ресурсам Ханукаевых, которые годами были для нас закрыты. Взамен мы усилим ваши позиции в наших сферах влияния. Простая стратегия, которая удвоит силу обеих фамилий и избавит нас от ненужных войн.

— А если говорить конкретно обо мне?

— Я рассчитываю получить в твоём лице надежного партнера и союзницу, а не капризную принцессу, которая будет создавать проблемы на ровном месте.

— Так просто? — ухмыляюсь я.

— Буду только рад, если для тебя это окажется просто.

— Что насчет романтики? Любовь, поцелуи, секс, — перечисляю бесстрастным тоном.

— Ни к чему из этого принуждать тебя точно не стану. Ты не обязана дарить мне любовь или делить со мной постель.

В условия нашего контракта это не будет входить.

— А если все-таки случится химия?

Удивительно. Я сижу напротив привлекательного мужчины, в открытую обсуждаю с ним о химии и сексе, но не испытываю ровным счетом ничего. Словно принимаю экзамен и просто жду правильных ответов.

— Если случится химия... — задумывается Тимур, — думаю, это станет исключительно приятным бонусом для нас обоих. Но повторяю: мне нужна союзница с трезвым умом, а не с затуманенным гормонами сознанием. Влюбленные женщины непредсказуемы и склонны к иррациональным поступкам.

— А влюбленные мужчины разве нет? — со рта срывается смешок.

— Они становятся уязвимыми и теряют хватку. Так что взаимная химия — хорошо. Глубокие чувства — лишнее.

Я улыбаюсь его ответу.

Холодный. Циничный. Прямой. Пока что идеальный на роль фиктивного мужа.

— Теперь твоя очередь, — он наклоняется чуть вперед, опираясь локтями на стол. — Расскажи, на что рассчитываешь ты, выходя за меня замуж?

— На свободу, — отвечаю без малейших раздумий.

Тимур слегка хмурится.

— Можно конкретнее?

— Право быть собой. Для меня важно реализовать себя. Я

не готова жертвовать своими планами или интересами ради чужого комфорта и статуса.

— Какие у тебя планы и интересы?

— В этом году я получила диплом искусствоведа. Моя цель — собственная галерея. Что касается интересов: я люблю искусство во всех ее формах. И классику в театрах, и эстетику боевых искусств. А еще — породистых лошадей и мотоциклы.

— Любопытное сочетание, — отмечает Тимур, слегка склонив голову. — Кажется, твои пристрастия едва совместимы.

— Когда всю жизнь приходится играть разные роли, в какой-то момент начинаешь искать в каждой из них то, что по-настоящему откликается, — объясняю я.

Договариваю и вдруг застываю. В груди что-то болезненно сжимается от этой непривычной откровенности. Я только сейчас понимаю, что рассказываю этому человеку чистую правду о себе. От своего собственного, настоящего имени.

Боже. Это оказывается так чертовски приятно.

— Так вот о какой свободе быть собой ты говоришь.

— Да. Если я соглашусь на этот брак, то не хочу больше играть кого-то, кем не являюсь.

Тимур не спешит с ответом. Я вижу, как он взвешивает мои слова, воспринимая каждое из них предельно серьезно. Еще один жирный плюс в его копилку.

— Я могу гарантировать тебе эту свободу, но в границах,

которые продиктованы безопасностью и репутацией, — произносит он ровным, выверенным тоном. — Я не нуждаюсь в подпитке эго за счет подавления женщины. Твои мысли, увлечения и личные границы останутся неприкосновенными. Но ты должна трезво оценивать положение дел. Официальное возвращение дочери Ханукаева станет главной новостью в нашем мире. А свадьба со мной — еще большей сенсацией. Больше двадцати лет наши семьи притворяются врагами. Если мы поженимся, у нас появятся не только союзники, но и те, кому этот союз встанет поперек горла. Внимания к нам будет много. Очень много. Первое время жить «для себя» не выйдет. Мы будем жить для фамилии, выстраивая новый порядок.

Я получаю удовольствие от того, насколько четко и структурировано мыслит Тимур.

А еще цепляюсь за фразу: «больше двадцати лет притворяются врагами». Теперь понятно, почему я до вчерашнего дня ничего не слышала про еще одного друга отца и его сына.

— Я понимаю цену своего возвращения, — произношу я твердо. — Меня она не пугает.

В этот момент к столу подходит Мария с кофейным сервизом. Поблагодарив ее, я подношу чашку к губам. Первый же глоток заставляет меня прикрыть глаза от невероятно горького, насыщенного вкуса.

— А что насчет романтики? — Тимур внезапно возвращает мне мой собственный вопрос. — Ты на нее рассчитываешь?

ваешь?

Я опускаю чашку, поднимаю на него взгляд и позволяю себе легкую улыбку:

— Если случится взаимное притяжение, думаю, это станет исключительно приятным бонусом для нас двоих, — я с удовольствием зеркалю его же недавние слова. — Но, если вспышки не случится, то повторюсь: я хочу полной свободы. И готова предоставить ее тебе.

Тимур прищуривается.

— Ты про связи на стороне?

— Да. Если развод будет невозможен, я не намерена всю жизнь находиться в эмоциональном и физическом неудовлетворении. Полагаю, ты тоже.

Он вдруг широко улыбается. И эта улыбка, признаться, обезоруживает.

— Вполне логично, — соглашается со мной. — Если такая договоренность избавит меня от ревности, истерик и скандалов я буду счастлив.

— И я надеюсь на взаимность в этом вопросе.

— Можешь быть уверена. Однако учти: стоит нам объявить о браке, как нас начнут разглядывать под микроскопом. Наши отношения должны будут выглядеть безупречно всегда и везде, даже за закрытыми дверями. Так что, если у тебя кто-то есть, придется с ним попрощаться.

Перед глазами тут же вспыхивает порочный, темный образ Давида, и я делаю рваный, неровный вдох.

К счастью, в этот момент со стороны леса доносится звонкий детский смех. Воспользовавшись предложением, я отрываю взгляд от Тимура и поворачиваюсь на звук. Из густой чащи на черном велосипеде пулей вылетает мальчишка лет пяти-шести. Он хохочет взахлеб, а следом за ним, едва поспевая, бежит женщина в униформе.

— Мой сын Марк, — сообщает Тимур.

Я мгновенно оборачиваюсь к нему, даже не пытаюсь скрыть шок.

— Роланд не сообщил тебе, что я вдовец и отец-одиночка? — с легкой иронией уточняет он.

— Нет. Забыл проинформировать о таком «маленьком» нюансе.

— Видимо, решил не пугать тебя раньше времени.

Я снова тянусь к кружке, делаю медленный глоток кофе, чтобы выиграть драгоценные секунды и переварить информацию. А затем, глядя Тимуру прямо в глаза, признаюсь:

— Если честно, меня это скорее радует.

— Любишь детей?

— Я люблю свободу и свое тело. Раз у тебя уже есть наследник, мне не придется рожать. Это избавляет от целого вороха лишних обязательств.

Тимур издает короткий, хриловатый смешок, и в его глазах вспыхивает нечто похожее на подлинный интерес.

— Красивая, расчетливая, уверенная в себе и предельно прямолинейная, — он снова сканирует меня оценивающим

взглядом. — Словно веду переговоры с уменьшенной копией Роланда.

— Это проблема?

— Наоборот. Редкое преимущество.

Я наклоняюсь чуть вперед, оперев локти о стол, и ловлю его взгляд:

— Тогда проясним еще один момент. Чего ты ждешь от меня в отношении твоего сына? Я не умею ладить с детьми и не испытываю к ним сентиментальных чувств. И честно предупреждаю: менять это не горю желанием.

— Марк — исключительно моя ответственность и моя забота. Ты ему ничего не должна. Если между вами со временем возникнет тепло я сочту это таким же приятным бонусом, как и химию между нами. Но повторюсь: в первую очередь мне нужен надежный партнер по жизни, а не нянька и уж тем более не замена матери для моего ребенка.

Я получаю очередную порцию удовольствия от его ответа. И уже собираюсь открыть рот, чтобы продолжить наш диалог, как вдруг в паре метров раздается звонкий детский крик:

— Де-е-да!

Я произвольно поджимаю губы. Похоже, наши отцы закончили свои деловые переговоры, и время наедине с Тимуром истекло.

Кудрявый большеглазый мальчишка бросает велосипед прямо на газон и, словно маленький циклон, проносится ми-

мо нашего стола. Я не успеваю даже шевельнуться, как за спиной раздается до боли знакомый мужской смех.

Он разлетается по воздуху осколками битого стекла. По позвоночнику со свистом проносится разряд ледящего тока, намертво сковывает тело.

Мне показалось.

— Что, мой чемпион, успел сегодня сбежать от лесных монстров? — голос «деды» занозой впивается в мое сознание.

Точно показалось. Это просто галлюцинация.

Я сижу неподвижно, вцепившись в край стула, и отчаянно пытаюсь вспомнить хотя бы одну молитву.

Да уж, в падающем самолете и впрямь не существует атеистов.

— Надеюсь, мы вам не помешали? — этот бархатный баритон теперь обращен к нашему столу и звучит все ближе.

Мужчина подходит вплотную, держа на руках смеющегося Марка. Преодолевая свинцовую тяжесть в шее, я медленно поднимаю голову. Взгляд испуганно скользит по знакомым дорогим часам на запястье, по запонкам на манжете и, наконец, достигает его лица.

Небеса с оглушительным грохотом разбиваются о мою голову... А их обломки застревают где-то между горлом и сердцем, перекрывая доступ к кислороду.

Мне не показалось...

— Дочь, знакомься. Серый кардинал моего бизнеса и по

совместительству мой близкий друг — Давид Дугаев, — раздается над ухом спокойный голос ничего не подозревающего отца.

Папа встает рядом и кладет ладонь мне на лопатки, побуждая подняться. Я встаю на ватных ногах, чувствуя, как земля превращается в зыбучий песок.

— Давид, моя дочь, Ариана, — представляет он меня «другу».

Дугаев еще не узнает меня и смотрит со своей фирменной улыбкой.

— Рад снова видеть тебя, папина принцесса, — одной рукой он прижимает к себе вертящегося мальчишка, а вторую протягивает мне. — Как же ты изменилась. Совсем не узнать.

Я вкладываю свои онемевшие, полуживые пальцы в его горячую ладонь. Сердце в груди беснуется и грохочет как оголтелое.

«Может, пронесет? Может, не узнает?» — вспыхивает в голове наивная, жалкая надежда.

И тут же меркнет.

Его скользкий по мне взгляд вдруг спотыкается о крошечную родинку на нижней губе. В эту же секунду Давид едва заметно меняется в лице. Улыбка медленно гаснет. Он аккуратно поднимает глаза выше, к шраму на брови, затем вглядывается в другие черты. Собирает детали в одно целое и окончательно складывает пазл.

В бездонной глубине его темно-карих глаз вспыхивает полное узнавание, а следом за ним — четкое, сокрушительное понимание всей чудовищности происходящего.

Глава 9

Ариана

Москва

Напряжение висит в воздухе таким плотным, удушающим сгустком, что, кажется, его можно разрезать ножом. Таким же невидимым и острым, как лезвие, которое Давид сейчас мысленно прижимает к моему горлу.

Его взгляд выжжен дочи́ста. Не осталось и следа от той страсти, восхищения и одержимой жажды, с которой он пожирал меня в нашу последнюю встречу. Теперь в его зрачках только пробирающее д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.